DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88

Евразийский Союз Ученых.
Серия: экономические и юридические науки

Ежемесячный научный журнал

№ 7 (88)/2021 Том 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич
AuthorID: 559173
Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- **Минаев Валерий Владимирович**
AuthorID: 493205
Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеуниверситетская) (Москва), доктор экономических наук
- **Попков Сергей Юрьевич**
AuthorID: 750081
Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук
- **Тимофеев Станислав Владимирович**
AuthorID: 450767
Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук
- **Васильев Кирилл Андреевич**
AuthorID: 1095059
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук
- **Солянкина Любовь Николаевна**
AuthorID: 652471
Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:
198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая, д. 44, к. 1, литера А
E-mail: info@euroasia-science.ru ;
www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»
Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Душкин К.Р., Душкин Р.В.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ГЛАВНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЕДЕНИЯ P2P-БОЁВ В ИГРАХ КЛАССА «ТРИ-В-РЯД» НА ПРИМЕРЕ ФИОЛЕТОВОГО МОНОЦВЕТА И ФИОЛЕТОВО-КРАСНОГО 3/2 В ИГРЕ EMPIRES & PUZZLES.....3

Козлов П.С., Воейкова О.Б.
К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО СПРОСА НА РОССИЙСКОМ ФОНДОВОМ РЫНКЕ.....8

Судьин А.В.
ЭКОНОМИКА ТАТАРСТАНА В 2000 – 2020 ГГ. 11

Еремичева О.Ю., Мащенко М.О., Панкова А.В.
К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ.....16

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дуюнов В.К.
ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ 22

Ларина Е.А.
ЛОГИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 30

Шелеметьева Е.В., Сидорчева В.Е.
СООТНОШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ.....33

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДВУХ ГЛАВНЫХ СТРАТЕГИЙ ВЕДЕНИЯ P2P-БОЁВ В ИГРАХ КЛАССА «ТРИ-В-РЯД» НА ПРИМЕРЕ ФИОЛЕТОВОГО МОНОЦВЕТА И ФИОЛЕТОВО-КРАСНОГО 3/2 В ИГРЕ EMPIRES & PUZZLES

Душкин К.Р.
аналитик,
Душкин Р.В.
директор по науке и технологиям
Агентство Искусственного Интеллекта

АННОТАЦИЯ

В статье приводится сравнение эффективности проведения P2P-боёв различными типами команд в компьютерных играх класса «три-в-ряд». Сравнение осуществлено на основе результатов 100 проведённых боёв фиолетовой моноцветной командой и 100 боёв командой с 3 фиолетовыми героями и 2 красными. Герои команд были подобраны таким образом, чтобы их боевые навыки были сравнимы друг с другом. Результаты боёв были проанализированы статистическими методами, в заключении даны рекомендации по использованию того или иного способа формирования команд в зависимости от различных факторов и характеристик команд обороны. Результаты могут быть использованы для решения задачи распределения ресурсов в некоторых специфических условиях. Статья будет интересна как игрокам, так и специалистам по математическому моделированию экономических проблем.

Ключевые слова: три в ряд, игра, теория игр, стратегия, сравнение, анализ, моделирование, распределение ресурсов, экономика, экономическое моделирование.

Введение

Сегодня компьютерные игры стали неотъемлемой частью жизни людей, и многие посвящают им значительный объём своего свободного времени [Redfield, 2020]. Часто компьютерные игры становятся хобби, особенно если рассматривать игры на персональных гаджетах с возможностью многопользовательской коммуникации, в том числе в игровых режимах. Одним из классов таких игр являются игры «три-в-ряд», в которых основная механика игры завязана на выстраивание комбинаций из трёх или более фишек («камней») одного цвета на поле. К таким играм, к примеру, относятся следующие: Empires & Puzzles (производство — Small Giant Games), Puzzle Combat (того же производителя), MythWars & Puzzles (KARMA GAME), Zombies & Puzzles (MINIGAME ENTERTAINMENT LIMITED) и десятки других клонов этих популярных игр.

Особенностью этих игр является наличие в них большого количества «героев», каждый из которых принадлежит одной из ограниченного множества стихий, характеризующейся своим «цветом». Стихий обычно 5, при этом между цветами можно построить граф доминирования — каждый цвет доминирует над каким-либо другим цветом. Например, в игре Empires & Puzzles, которая взята за основу в настоящем исследовании, существует 5 цветов — жёлтый, фиолетовый, красный, синий и зелёный — при этом жёлтый доминирует над фиолетовым и наоборот, красный доминирует над зелёным, зелёный над синим, а синий над красным. Отношение доминирования означает то, что доминирующий цвет наносит доминируемому цвету повышенный урон. Кроме того, в этих играх используется режим игры, в котором команды двух игроков сходятся в бою (P2P-бой, от англ. *peer to peer* — взаимный). Обычно такой бой проводится в активно-пассивном режиме — за команду атаки (КА) играет пользователь, за команду обороны (КО) играет система искусственного интеллекта.

Этот принцип наводит на мысль о том, что подобные игры могут стать интересной моделью для рассмотрения различных экономических и социальных аспектов, в которых отношению доминирования можно сопоставить те или иные варианты отношений в проблемной области. Например, подобным образом можно моделировать задачу распределения ресурсов, при этом цветам соответствуют отрасли, героям — конкретные производства, а результатам P2P-боёв соответствуют результаты экономической деятельности в конкурентном окружении.

Интерес представляет то, что моделирование на этом инструменте выглядит крайне дешёвым с вычислительной и экономической точек зрения, так как эксперименты по моделированию можно разворачивать на большом множестве заинтересованных игроков, которые будут собирать большие объёмы статистической информации для дальнейшей обработки.

Кроме того, эти игры представляют значительный интерес для исследователей *per se*, учитывая объёмы их аудитории. Например, для игры Empires & Puzzles количество активных игроков по состоянию на лето 2021 года составляет порядка 1.5 млн человек по всему миру. Другими словами, поскольку компьютерные игры занимают существенную экономическую нишу, они сами могут быть предметом исследовательского интереса.

Так, например, в сообществах игроков не умолкают споры о том, какая стратегия ведения P2P-боёв выгоднее — моноцвет или так называемая

«схема 3/2», то есть 3 героя одного цвета и 2 героя другого цвета в КА. Дело в том, что уровень урона, наносимый камнем героям КО, пропорционально зависит от количества героев соответствующего цвета в КА. Поэтому 5 героев одного цвета способствуют тому, что один камень с поля нанесёт в 5 раз больший урон герою из КО, чем в случае, если в КА имеется всего лишь 1 герой этого цвета. Вместе с тем, при игре моноцветом камни других цветов вообще не наносят урона, а собрать нужные комбинации довольно затруднительно, что часто приводит к проигрышу.

С точки зрения поставленной задачи распределения ресурсов этот вопрос можно переформулировать так — что выгодно для производителя: сосредоточиться на одной отрасли или диверсифицировать производство? Эта работа пытается дать ответ как на первоначальный вопрос, так и на этот вопрос модельной ситуации, поэтому статья будет интересна как игрокам, так и специалистам в области математического моделирования в экономике.

Материалы и методы

В описываемом классе игр P2P-бои ведутся на поле, состоящем из камней пяти цветов — по одному для каждого цвета стихии героев. Размер поля — 7 х 5. Игра ведётся при помощи сбора комбинаций из камней на поле так, чтобы в ряд по горизонтали или вертикали встали три или более камней одного цвета. Комбинация из камней вылетает в противника, после чего все камни на поле сдвигаются снизу вверх, а на освободившиеся места из-за нижней границы поля подъезжают новые камни. Цвет камней распределяется случайным образом. В результате такого движения могут образоваться новые комбинации, которые также вылетают в противника, и процесс повторяется до тех пор, пока на поле не будет комбинаций. Описанное — один ход раунда P2P-боя.

Бой считается выигранным, если все герои КО повержены. Каждый камень, вылетевший с поля, наносит героям КО определённый уровень урона, который зависит от цвета камня, цвета героя и многочисленных других факторов — но основной вклад в уровень урона делают комбинации цветов камня и героя в зависимости от того, какой цвет доминирует, а какой является доминирующим. Герои КА заряжают шкалу маны, если камень их цвета вылетает с поля. Скорость зарядки для каждого героя своя и зависит от многих факторов. После заряда герои могут осуществить разрядку своего особого умения. Умения могут быть самыми разнообразными — как прямой урон героям противника, так и повышение характеристик своих героев, снижение характеристик вражеских героев, лечение, травление и т. д. Если герои КА зарядились, то в подавляющем большинстве случаев это гарантия победы в бою.

Бой считается проигранным, если все герои КА мертвы. Герои КО заполняют шкалу маны тогда, когда в них попадают камни, причём любого цвета. Также каждые 2 хода герои КО наносят несильные удары, снимающие примерно 10 % здоровья героев КА. Если герои КО зарядились, то они разряжают свои особые умения в героев КА случайным образом, но при этом у каждого героя КО также используется специфическое особое умение — нанесение урона, срез брони, травление и т. д. Если герои КО начали наносить удары особыми умениями, то это повышает риски на проигрыш. Игрок может выдержать несколько атак героев КО особыми умениями, если грамотно управляет своими героями. Но атаки героев КО также зависят от разнообразных случайностей, и здесь большой вклад делает компонент удачи в модели «Skill & Luck» [Steen, 2002].

Наконец, осталось отметить, то герои КО могут стоять в одном из четырёх видов боевой формации, которые можно обозначить знаками «\/», «/\», «\/\/» и «/\/\». Вылетающие с поля камни попадают только по героям КО, стоящим впереди формации, но при этом даже те герои КО, по которым не попадает камней, каждый ход чуть-чуть заполняют свою шкалу маны. При этом рассматриваемые в настоящей работе стратегии P2P-боёв — моноцвет и схема 3/2 — влияют на уровень урона, наносимый одним камнем с поля. Урон профильного камня при бое моноцветом, когда в КА стоят пять героев одного цвета, в пять раз выше урона, когда в КА стоит только один герой этого цвета, но при этом камни остальных цветов урона не наносят. При бое схемой 3/2 в КА стоят три героя одного цвета и два героя другого цвета, но урон с камней этих цветов снижается пропорционально.

Дизайн эксперимента

Для проведения исследования необходимо составить две КА, сравнимые как по силе, так и по умениям и скорости заполнения шкалы маны у всех участвующих героев. Это представляет существенную проблему, так как в рассматриваемой игре крайне мало героев, которые являются точными аналогами друг друга, но при этом имеют разную стихию. Вместе с тем, собрать такие КА можно.

В следующей таблице приводятся герои двух сборок КА под тактические схемы «моноцвет» и «3/2» со сравнимыми героями.

Таблица 1.

Сборки КА для двух тактических схем

Параметр	Моноцвет	3/2
Общая сила КА	4399	4374
Скорость полного заряда КА	9 фиолетовых камней	8 фиолетовых камней 9 красных камней
Герой 1	**Ригард (костюм)** (фиолетовый) Уровень: 4/70, Эмблемы: 20, Отряд: M1 Умение: Все союзники восстанавливают 609 очков здоровья в течение 3 ходов. Все герои получают +48 % атаки на 3 хода. Убирает недуги у всех союзников.	**Дерзкий Клык** (красный) Уровень: 4/70, Эмблемы: 20, Отряд: M23 Умение: Восстанавливает 27 % здоровья всех героев. Все герои получают +48 % атаки на 4 хода.
Герой 2	**Тибуртус (костюм)** (фиолетовый) Уровень: 4/70, Эмблемы: 20, Отряд: M20 Умение: Наносит 175 % урона всем врагам. Все враги получают –34 % защиты на 4 хода	**Уилбер** (красный) Уровень: 4/70, Эмблемы: 20, Отряд: M9 Умение: Все союзники делят полученный урон между собой на протяжении 4 ходов. Все враги делят полученный урон между собой на протяжении 4 ходов. Все герои получают +63 % защиты на 4 хода. Все враги получают –44 % защиты на 4 хода.
Герой 3	**Кларисса** (фиолетовый) Уровень: 4/80, Эмблемы: 20, Отряд: M1 Умение: Наносит 135 % урона цели и всем ближайшим врагам. Цель и все ближайшие враги получают 224 ед. урона от яда в течение 2 ходов. Наносит дополнительный урон Святыне. Связь стихии даёт всем героям Тьмы +30 % обороны против особых навыков на 4 хода. Нельзя заблокировать.	
Герой 4	**Сешат** (фиолетовый) Уровень: 4/80, Эмблемы: 20, Отряд: M4 Умение: Наносит 400 % урона цели. Призывает Репликатора с 18 % здоровья и 15 % атаки, получаемой от героя. Прислужник клонирует себя каждые 3 хода. Убирает усиления у цели и ближайших врагов. Связь стихии даёт +4 % к регенерации маны для всех героев Тьмы на 4 хода. Нельзя заблокировать.	
Герой 5	**Лепиота** (фиолетовый) Уровень: 4/80, Эмблемы: 11, Отряд: M5 Умение: Снимает все эффекты статуса и складываемые эффекты с цели. Снимает даже те эффекты, которые нельзя снять или очистить. Наносит 158 % урона цели. Цель превращается в призрака бездны. В этой форме цель получает 88 урона каждый ход. В этой форме цель не может набрать ману и использовать особые навыки для излечения, но получает иммунитет к обычным атакам, атакам с помощью особых навыков, недугам и складываемым эффектам. Цель остаётся в этой форме в течение 4 ходов. Последнего оставшегося в битве врага нельзя превратить в призрака.	

Как видно из представленной таблицы проблема взаимозаменяемости героев касается только первых двух героев, так как для проведения эксперимента были выбраны фиолетовая моноцветная команда и фиолетово-красная команда 3/2, поэтому три героя в этих командах одинаковые. По два других героев команд, в целом, достаточно сравнимы между собой:

1.Фиолетовый герой Ригард в костюме восстанавливает здоровье за 3 хода на 609 очков здоровья и повышает атаку на 48 %, в то время как красный герой Дерзкий Клык единоразово восстанавливает 27 % здоровья и повышает атаку всех союзников на те же 48 %. Это сравнимые способности. Ещё одно небольшое различие в этих

героях заключается в разной скорости заполнения шкалы маны — она различается на 1 камень.

2.Фиолетовый герой Тибуртус наносит всем врагам КО немного урона, а потом снижает им броню на 34 %. С другой стороны красный герой Уилбер распределяет урон между врагами и срезает им броню на 44 %. При этом своих герои тоже распределяют урон (это повышает выживаемость каждого отдельного героя в КА), а броня повышается на 63 %. Эти два героя сравнимы только в действии на броню противника.

3.Существенной проблемой для КА по схеме 3/2 является то, что фиолетовые герои Сешат и Лепиота своими особыми навыками перебивают один эффект особого навыка красного героя Уилбера — разделение урона между противниками, так что это может иметь несколько негативные последствия для этого набора героев.

4.Наконец, выбранные КА имеют немного различную общую силу команды — 4399 для фиолетового моноцвета и 4374 для схемы 3/2, что может потребовать перенормировки результатов.

Для каждой из КА необходимо было осуществить 100 атак на КО других игроков. Это должен делать игрок, который умеет играть как моноцветом, так и по схеме «3/2». Атаки могли производиться при помощи следующих механик игры — набег, внутриальянсный спарринг-бой, а если применимо, то война и турнир. Результаты каждой атаки записывались в таблицу, в которой также фиксировались дополнительные параметры — состав и общая сила КО, количество камней на поле фиолетового (для первой и второй КА) и красного (только для второй КА) цвета, количество ходов до полного набора шкалы маны у всех героев КА.

Протокол и результаты его анализа представлены в таблице, располагающейся по ссылке: https://clck.ru/WCqkv.

Методы анализа результатов

Статистический анализ результатов проводился в программном средстве Google Spreadsheet последней версии, актуальной на июль 2021 г. Оценка достоверности результатов осуществлялась методом хи-квадрат. Расчёт 99 % доверительного интервала для средних значений производился по стандартной формуле для известного среднеквадратичного отклонения.

Результаты

В период с 10 по 17 июля 2021 года было реализовано по 100 P2P-боёв для каждой схемы КА. Для фиолетового моноцвета количество побед составило 76, для схемы 3/2 количество побед — 66.

Для фиолетового моноцвета средняя общая сила КО составила 4675 очков, а для схемы 3/2 — 4669, что немногим меньше, однако 99 % доверительные интервалы для обеих КА входят в интервал [4621, 4729], что полностью покрывает оба средних значения, поэтому перенормировку по общей силе КА производить необязательно.

Игровое поле представляет собой прямоугольник 7 x 5 клеток, в каждой из которой может быть камень одного из пяти цветов. Это значит, что теоретическое значение математического ожидания для количества камней заданного цвета на поле в любой момент времени равно 7. Для фиолетового моноцвета экспериментальное математическое ожидание для камней фиолетового цвета составило 7.04; а для для схемы 3/2 для фиолетовых камней — 7.26, для красных камней — 7.12. При этом 99 % доверительные интервалы для всех этих эмпирических значений входят в интервал [6.51, 7.70], поэтому можно считать, что экспериментальные значения математических ожиданий вполне согласуются с теоретическим, и можно считать, что эксперимент полностью подтвердил теоретические расчёты.

Уровень достоверности для расчётов всех экспериментальных значений математического ожидания оцениваемых величин высокий, $p < 0.05$.

Для фиолетового моноцвета необходимо было собрать 9 фиолетовых камней, чтобы зарядились все герои, а для схемы 3/2 необходимо было собрать 8 фиолетовых и 9 красных камней. Сбор камней для полной зарядки первой команды происходил в среднем за 4.57 хода, а для команды 3/2 — за 5.31 хода, что вполне объяснимо, так как во втором случае необходимо собрать больше комбинаций, чтобы зарядить всех героев. Разница на 0.74 хода объясняется тем, что зарядка шкалы маны осуществляется не только единичными ходами, а комбинациями, поэтому для схемы 3/2 в целом не требуется в 2 раза больше ходов, но с очевидностью ходов требуется в среднем больше, чем для моноцвета.

Интерес представляет количество урона, который был нанесён камнями героям КО в процессе набора полной шкалы маны. Подсчитать напрямую это значение довольно затруднительно и требует огромного количество трудозатрат для скрупулёзного разбора видео P2P-боёв. Тем не менее, для косвенной оценки можно использовать произведение среднего урона одного камня на количество камней для полной зарядки. Это очень грубая оценка, но вместе с тем она также даёт понимание причин итогового результата.

Для фиолетового моноцвета средний урон одного камня составляет 313.72, а для схемы 3/2 урон фиолетового камня равен 175.55, урон красного камня равен 81,47. Итоговые значения оценки совокупного урона от камней до полной зарядки составляют: для моноцвета — 2823.50, для схемы 3/2 — 2139.44, что примерно на 25 % меньше, чем для моноцвета.

Интерес также вызывает то, что для разных вариантов схем расстановки КО получены разные данные по соотношению побед и поражений для двух различных КА. Действительно, для классической схемы расстановки «√» больше побед дала схема КА 3/2. Результаты приведены в следующей таблице.

Таблица 1.

Результаты P2P-боёв для разных схем КО

	\/	/\	\/\/	/\/\
Моноцвет	78.95 %	**68.75 %**	**83.87 %**	**100.00 %**
Схема 3/2	**81.25 %**	60.00 %	64.71 %	80.00 %

Табл. 1 может рассматриваться как игра в нормальной форме [Кремлев, 2016] в терминах теории игр. Это значит, что нападающий игрок может выбирать стратегию, для которой процент выигрыша доминирует. Интересным результатом является то, что схема 3/2 доминирует над моноцветом для классической расстановки героев КО. Это вполне соответствует ощущениям игроков, которые утверждают, что классическая расстановка является самой простой для ведения P2P-боя, а также что схема 3/2 является доминирующей над моноцветом в игровой механике «Война», в которой используется только классическая расстановка «\/».

Обсуждение

На первый взгляд полученные результаты кажутся вполне однозначными — фиолетовый моноцвет показал на 10 % больше побед, чем схема 3/2, что на выборке объёмом в 200 боёв имеет высокую довольно статистическую достоверность. Полученные данные для таких параметров, как скорость набора полной шкалы маны и уровень урона от камней, также делают существенный вклад в преимущество моноцветной команды.

Вместе с тем в сообществе игроков имеется укоренившееся мнение о том, что в P2P-боях необходимо участвовать только по схеме 3/2. Это мнение основано, скорее всего, на интуитивных выводах полутора миллионов игроков, составляющих сообщество игры Empires & Puzzles. Вместе с тем, строгого обоснования этой точке зрения нет.

Скорее всего, это мнение основано на том, что самым важным типом P2P-боёв являются бои на межальянсных войнах. В этой механике игры используется только классическая схема расстановки героев КО «\/», что в целом согласуется с полученными результатами для различных типов расстановки.

Тем не менее, полученные результаты показывают обоснованность игры моноцветными КА в P2P-боях в большинстве случаев, так как и количество необходимых ходов для заполнения шкалы маны меньше, и урон с камней для героев КО выше. При этом надо отметить, что использование схемы 3/2 требует от игрока тщательно подбирать героев в КА для противопоставления их особых навыков героям КО, а также для взаимного усиления героев КА. Это более экспертный уровень игры, требующий от игрока обширных знаний того, как разные герои работают в связке друг с другом.

Заключение

Несмотря на довольно высокий уровень статистической достоверности, представленные результаты должны быть верифицированы новыми экспериментами, которые учитывают, в том числе, больший объём параметров, снимаемых с проводимых P2P-боёв. Кроме того, желательно провести мультицентровые исследования с привлечением нескольких игроков, имеющих различные навыки игры разными схемами, а количество анализируемых боёв увеличить, как минимум, на порядок.

Авторы благодарят коллектив семейства альянсов «Логово лесного тролля» игры Empires & Puzzles за всестороннюю поддержку в проведении исследований и сбора исходных данных.

Литература

1.Redfield C. L. Computer Games Making a Difference // In proc. Conference on Global Transformation, May 2020. — DOI: 10.13140/RG.2.2.19489.56167.

2.Steen E. V. Skill or Luck? Biases of Rational Agents // In: RePEc, SSRN Electronic Journal, October 2002. — DOI: 10.2139/ssrn.319972.

3.Кремлев А. Г. Основные понятия теории игр: учебное пособие / А. Г. Кремлев. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. — 144 с.

УДК 336.49
ГРНТИ 06.73.02

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ БАЗОВЫХ ПОНЯТИЙ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО СПРОСА НА РОССИЙСКОМ ФОНДОВОМ РЫНКЕ

Козлов Павел Сергеевич
Магистрант
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева., г. Красноярск
Воейкова Ольга Борисовна
Кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Финансы и кредит
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск

Kozlov Pavel Sergeevich
Master's student
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk
Voejkova Olga Borisovna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the faculty of Finance and Credit
Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу базовых понятий, использующихся при проведении исследования, посвящённого совершенствованию инструментов формирования инвестиционного спроса на российском фондовом рынке, – «инвестиционный спрос» и «инвестиционная активность». Показано, что при наличии множества различных трактовок указанных понятий имеет место проблема их неполного соответствия задачам прикладного научного исследования. Предложены авторские трактовки понятий «инвестиционный спрос» и «инвестиционная активность», отвечающие целевым ориентирам исследования.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the basic concepts used in conducting research on improving the tools for forming investment demand on the Russian stock market – "investment demand" and "investment activity". It is shown that in the presence of many different interpretations of these concepts, there is a problem of their incomplete compliance with the tasks of applied scientific research. The author's interpretations of the concepts of "investment demand" and "investment activity" that meet the research targets are proposed.

Ключевые слова: инвестиционный спрос, инвестиционная активность, фондовый рынок, научное исследование, понятийный аппарат.

Keywords: investment demand, investment activity, stock market, scientific research, conceptual apparatus.

На протяжении последних трёх лет развитие российского фондового рынка характеризуется наличием ярко выраженной тенденции к увеличению численности розничных инвесторов. В одной из своих прежних публикаций [8] мы рассматривали факторы, повлекшие за собой приток розничных инвесторов на российский фондовый рынок. Этот приток оказался настолько мощным, что это не свойственное ранее отечественному рынку ценных бумаг явление было охарактеризовано как «взрывная активность». На первом месте оказалось уменьшение ставок по банковским депозитам, которые резко снизили интерес физлиц к использованию этого финансового инструмента. Россияне стали массово выходить на фондовый рынок с целью извлечения прибыли из своих финансовых вложений. В этой связи возникли закономерные вопросы о том, насколько оправдались ожидания начинающих инвесторов, стало ли инвестирование в ценные бумаги альтернативой банковским вкладам, насколько операции с ценными бумагами на фондовом рынке соотносятся с политикой Центробанка в вопросах профилактики рисков финансовых потерь и разочарований в инвестировании и другие. Ключевой вопрос, имеющий очевидное практическое значение, заключается в поиске наиболее эффективных инструментов формирования инвестиционного спроса на российском фондовом рынке.

В рамках исследуемой проблематики возникла необходимость в рассмотрении понятий «инвестиционный спрос» и «инвестиционная активность», и в ходе теоретического анализа этих базовых понятий обнаружилась проблема отсутствия таких определений, которые в полной мере соотносились бы с целевыми ориентирами исследования, посвящённого совершенствованию инструментов формирования инвестиционного спроса на российском фондовом рынке.

Анализ источников по теме исследования показал, что понятие инвестиционного спроса довольно слабо представлено в научной литературе. Формулировки самого этого понятия

встречаются редко и представлены они, как правило, словарными определениями.

Так, в одном из экономических словарей инвестиционный спрос определяется как «желаемое или планируемое фирмами пополнение своего капитала» [5].

Ещё одно словарное определение сформулировано следующим образом: «Инвестиционный спрос – это спрос в экономике на инвестиционные товары: машины, оборудование, строительные материалы, услуги строительных фирм; инвестиционный спрос возникает из намерения или планов фирм по увеличению своего физического капитала (основных производственных фондов), а также товарных запасов» [4].

В трактовке Л.Л. Игониной инвестиционный спрос представляет собой «важнейшую составляющую совокупного спроса, отражающую спрос экономики на инвестиционные товары и характеризующую уровень потенциальной потребности и способности предпринимателей в инвестировании для обеспечения восстановления изношенного основного капитала средств и прироста реального капитала» [3, С. 21].

Во всех приведённых выше определениях речь идёт об инвестиционном спросе как потребности хозяйствующих субъектов экономических отношений в инвестициях для улучшения состояния капитала, в то время как в настоящем исследовании речь идёт не о хозяйствующих субъектах экономики, а о субъектах экономических отношений на фондовом рынке – об участниках фондового рынка, притом не обо всех участниках, а о частных инвесторах. В этой связи возникает необходимость в поиске такой формулировки понятия «инвестиционный спрос», которая отражала бы специфику объекта и предмета исследования по заявленной проблеме.

Если провести аналогию между товарным рынком и фондовым, то частные инвесторы на фондовом рынке сродни покупателям на товарном рынке. Соответственно, если на товарном рынке категория спроса характеризует потребность покупателей в приобретении товаров определённой товарной группы, обладающих значимыми для потребителей характеристиками, то на фондовом рынке спрос может быть определён как мера потребности обладателей свободных денежных средств в приобретении ценных бумаг, обладающих значимыми, с точки зрения извлечения прибыли, свойствами.

Категория инвестиционного спроса неразрывно связана с понятием инвестиционной активности, которое, как показывает анализ литературных источников, в экономической теории трактуется по-разному.

В общем смысле инвестиционная активность трактуется как интенсивность реализации инвестиций [9, С. 59].

Е.А. Казакевич определяет инвестиционную активность как «совокупность собственных финансовых возможностей и возможностей привлечения внешних финансовых ресурсов» [6, С. 8].

По нашему мнению, такая трактовка была бы гораздо более уместной в отношении понятия инвестиционного потенциала, который представляет собой совокупность объективных возможностей для реализации инвестиционной деятельности.

Авторский коллектив Совета по изучению производительных сил (СОПС) Минэкономразвития РФ и РАН под руководством И.В. Гришиной понятие инвестиционной активности рассматривает в контексте проблематики экономического развития региона и определяет его следующим образом: «Инвестиционная активность есть развитие и интенсивность инвестиционной деятельности в регионе, характеризующиеся объёмом и темпами привлечения инвестиций в основной капитал региона» [1, С. 7].

В этом определении не учтён тот факт, что инвестиционная активность подразумевает не только интенсивное размещение инвестиционных ресурсов в воспроизводство основных фондов региональной экономики, но и интенсивность создания предпосылок для их размещения, так как конечной целью инвестирования в данном случае является формирование доходов и возникающих на их базе накоплений.

С позиции экономического развития региона понятие инвестиционной активности рассматривается Н.И. Климовой: «Инвестиционная активность – это степень интенсивности процессов инвестирования в рамках региона, учитывающая ресурсные и реализованные инвестиционные возможности региональной экономической системы» [Цит. по: 2, С. 12].

В данном определении очень точно, на наш взгляд, замечено, что активность следует оценивать по показателю интенсивности инвестирования, однако нельзя не отметить, что такая оценка требует разработки системы показателей оценки региональной инвестиционной активности.

Д.В. Соколовым инвестиционная активность трактуется как «объём, темпы роста и эффективность использования инвестиционных ресурсов» [13, С. 39].

Несмотря на некоторую обобщённость этой формулировки, следует заметить, что, за исключением указания на эффективность использования инвестиционных ресурсов, такое представление об инвестиционной активности достаточно точно отражает суть рассматриваемого понятия. Говорить об эффективности использования инвестиционных ресурсов, по нашему мнению, не совсем уместно, в силу того, что понятие активности отражает настоящее, в том время как понятие эффективности – характеристика будущего.

Л.Г. Паштовой Инвестиционная активность определяется как «динамика размера и структуры инвестиций» [10, С. 24]. Данное определение в большей мере, нежели предыдущие трактовки,

отражает экономическую природу инвестиционной активности в целом и применительно к фондовому рынку, в частности, однако в контексте темы и задач настоящего исследования оно, всё же, недостаточно точное.

По представлении Л.Н. Салимова, «инвестиционная активность в широком смысле есть фактический результат сложного динамичного взаимодействия, с одной стороны – возможностей инвестирования, а с другой стороны – уровня вероятности достижения заданной конечной цели инвестиционной деятельности» [12, С. 87]. Инвестиционная активность, по мнению исследователя, – это степень изменчивости инвестиционной деятельности. Инвестиционная активность – в некотором роде фактическая реализация имеющегося потенциала с учётом уровня инвестиционных рисков, а инвестиционный потенциал, в свою очередь, – это объективные предпосылки интенсификации инвестиционной деятельности.

Обобщив различные взгляды исследователей на сущность понятия инвестиционной активности, мы можем сформулировать собственное определение данного понятия, которое будет отражать значимые содержательные характеристики и учитывать специфику объекта и предмета нашего исследования. Под инвестиционной активностью мы будем понимать динамическую характеристику, отражающую процессуальный и результативный аспекты поведения инвесторов на фондовом рынке, а именно: степень интенсивности процессов инвестирования, объёмы и структуру инвестиций.

Руководствуясь такими практико-ориентированными определениями, мы можем решить целый ряд прикладных задач: представить более полный и точный, в сравнении с представленным на сегодняшний день экспертами [11; 14; 15], портрет российского розничного инвестора; детализировать разрабатываемый механизм привлечения инвесторов на российский фондовый рынок [7]; предложить альтернативы существующим инструментам формирования инвестиционного спроса на российском фондовом рынке с учётом актуального состояния рынка ценных бумаг и ведущих тенденций его развития.

Библиографический список

1. Гришина И.В. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей / И.В. Гришина, А.Г. Шахназаров, И.И. Ройзман // Инвестиции в России. – 2001. – № 4. – С. 5-16. [Grishina IV, Shahnazarov AG, Rojzman II Kompleksnaja ocenka investicionnoj privlekatel'-nosti i investicionnoj aktivnosti rossijskih regionov: metodika opredelenija i analiz vzaimosvjazej / IV Grishina, AG Shahnazarov, II Rojzman // Investicii v Rossii. – 2001. – № 4. – S. 5-16. (In Rus).]

2. Дерябина Я. Сравнительный анализ подходов к оценке инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов / Я. Дерябина // Инвестиции в России. – 2003. – № 8. – С. 9-19. [Derjabina Ja. Sravnitel'nyj analiz podhodov k ocenke investici¬onnoj privlekatel'nosti i investicionnoj aktivnosti rossijskih regionov / Ja Derjabina // Investicii v Rossii. – 2003. – № 8. – S. 9-19. (In Rus).]

3.Игонина Л.Л. Финансовая система и экономическое развитие: монография / Л.Л. Игонина. – М.: Русайнс, 2016. – 136 с. [Igonina LL Finansovaja sistema i jekonomicheskoe razvitie: monografija / LL Igonina. – M.: Rusajns, 2016. – 136 s. (In Rus).]

4.Инвестиционный спрос [Электронный ресурс] // Финансово-кредитный энциклопедический словарь. – URL: https://1258.slovaronline.com/611-инвестиционный_спрос

5.Инвестиционный спрос [Электронный ресурс] // Экономический словарь. 2010. – URL: https://rus-econ-dict.slovaronline.com/2684-ИНВЕСТИЦИОННЫЙ%20СПРОС

6. Казакевич Е. А. Формирование инвестиционного климата в урбанизированном промышленном комплексе: методический аспект: автореф. дисс. ... канд. экон. наук / Е. А. Казакевич. – Новосибирск, 2002. – 23 с. [Kazakevich EA Formirovanie investicionnogo klimata v urbani-zirovannom promyshlennom komplekse: metodicheskij aspekt: avtoref. diss. ... kand. jekon. nauk / EA Kazakevich. – Novosibirsk, 2002. – 23 s. (In Rus).]

7.Козлов П.С., Воейкова О.Б. К вопросу о механизме привлечения частных инвесторов на российский фондовый рынок / П.С. Козлов, О.Б. Воейкова // Евразийский Союз Учёных. – 2021. – Т. 1. – Вып. 82. – С. 22-27. [Kozlov PS, Voejkova OB K voprosu o mehanizme privlechenija chastnyh investorov na rossijskij fondovyj rynok / PS Kozlov, OB Voejkova // EurasianUnionScientists 6. – 2021. – T. 1. – Vyp. 82. – S. 22-27. (In Rus).] https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44919883

8.Козлов П.С., Воейкова О.Б. Особенности развития российского фондового рынка и инвестиционного спроса на современном этапе / П.С. Козлов, О.Б. Воейкова // Евразийский Союз Учёных. – 2020. – Т. 1. – Вып. 74. – С. 41-47. [Kozlov PS, Voejkova OB Osobennosti razvitija rossijskogo fondovogo rynka i investicionnogo sprosa na sovremennom jetape / PS Kozlov, OB Voejkova // EurasianUnionScientists. – 2020. – T. 1. – Vyp. 74. – S. 41-47. (In Rus).] https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44183100

9.Мостовщикова И.А., Соловьева И.А. Инвестиционная активность и инвестиционный профиль организации / И.А. Мостовщикова, И.А. Соловьева // Научный диалог. Серия: Экономика. Право. Политология. – 2013. – № 7 (19). – С. 58-70. [Mostovshhikova IA, Solov'eva IAInvesticionnaja aktivnost' i investicionnyj profil' organizacii / IA Mostovshhikova, IA Solov'eva // Nauchnyj dialog. Serija: Jekonomika. Pravo. Politologija. – 2013. – № 7

(19). – S. 58-70. (In Rus).]

10.Паштова Л.Г. Формирование многоуровневой инвестиционной политики как фактор обеспечения экономической безопасности: дисс. … докт. экон. наук / Л. Г. Паштова. – М.: РГБ, 2001. – 351 с. [Pashtova LG Formirovanie mnogourovnevoj investicionnoj po-litiki kak faktor obespechenija jekonomicheskoj bezopasnosti: diss. … dokt. jekon. nauk / LG Pashtova. – M.: RGB, 2001. – 351 s. (In Rus).]

11.Портрет начинающего инвестора: какие продукты выбирают, на что обращают внимание [Электронный ресурс] // Специализированный Интернет-портал banki.ru. – URL: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10938240 (дата обращения: 12.07.2021).

12. Салимов Л.Н. Сущность инвестиционной активности и ее значение в управлении региональной экономикой / Л.Н. Салимов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 9 (147). – С. 83-88. [Salimov LN Sushhnost' investicionnoj aktivnosti i ee znachenie v upravlenii regional'noj jekonomikoj / LN Salimov // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. – № 9 (147). – S. 83-88. (In Rus).]

13. Соколов Д.В. Активизация инвестиционной деятельности инструментами региональной экономической политики: дисс. … канд. экон. наук / Д. В. Соколов. – М.: РГБ, 2003. – 223 с. [Sokolov DV Aktivizacija investicionnoj dejatel'nosti in-strumentami regional'noj jekonomicheskoj politiki: diss. … kand. jekon. nauk / DV Sokolov. – M.: RGB, 2003. – 223 s. (In Rus).]

14.Тинькофф Инвестиции составили «Портрет современного розничного инвестора» [Электронный ресурс] // АО «Тинькофф Банк». Официальный сайт. – URL: https://www.tinkoff.ru/invest/news/342033/ (дата обращения: 12.07.2021).

15.Частные инвесторы наращивают вложения в иностранные акции, страхуясь от падения рубля [Электронный ресурс] // НАУФОР. Официальный сайт. – URL: http://www.naufor.ru/tree.asp?n=19974 (дата обращения: 12.07.2021).

УДК 332.132

ЭКОНОМИКА ТАТАРСТАНА В 2000 – 2020 ГГ.

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88.1418

Судьин Андрей Владимирович
кандидат эконом. наук, старший научный сотрудник,
Институт востоковедения РАН, г. Москва.

ECONOMY OF TATARSTAN IN THE 2000 - 2020

Andrey V. Sudyin
PhD (Economics), senior researcher,
Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется экономическая ситуация в Татарстане в период с 2000 по 2020 гг. Показана динамика объема производства в основных отраслях экономики, таких как нефтедобыча, нефтехимия, энергетика, машиностроение, сельское хозяйство. Рассматривается экономическая политика правительства республики.

ABSTRACT

The article analyzes the economic situation in Tatarstan in the period from 2000 to 2000. The dynamics of production in the main sectors of the economy, such as oil production, petrochemicals, energy, mechanical engineering, and agriculture, are shown. The economic policy of the Government of the republic is considered.

Ключевые слова: Татарстан, экономика, основные отрасли, экономическая политика.

Keywords: Tatarstan, economy, main industries, economic policy.

Республика Татарстан входит в число наиболее развитых с точки зрения экономики регионов Российской Федерации. Политика «мягкого вхождения в рынок», проводившаяся в начале постсоветского периода, позволила Татарстану избежать многих негативных последствий радикальных экономических реформ. В последующем экономика республики вполне органично вписалась в общероссийскую экономическую модель. И при этом республика в целом за период с 2000 по 2020 гг. показывала относительно высокие темпы экономического роста.

Валовой региональный продукт Татарстана в пересчете на душу населения в 2005 году равнялся 128227 руб., а в 2015 году — 483509 руб. При этом он составлял в 2005 году 102,0% от всероссийского уровня и 140,0% от среднего уровня по регионам, входящим в Приволжский федеральный округ. В 2015 году он составил 107,7% от уровня РФ и 142,6% от уровня Приволжского федерального округа [1]. По ВРП на душу населения Татарстан в 2015 году занимал 15-е место среди 85 субъектов Российской Федерации и первое место среди 14 регионов ПФО.

В абсолютном значении валовой региональный продукт Татарстана с 2000 по 2016 гг. вырос (в

текущих ценах) в 10,4 раза [2]. И этот рост произошел несмотря на кризис 2008 — 2009 гг. и весьма непростую экономическую ситуацию, сложившуюся в 2014 — 2015 гг.

ТАБЛИЦА 2.

Валовой региональный продукт Республики Татарстан (в текущих ценах)

год	ВРП (млрд руб.)	год	ВРП (млрд руб.)
2000	186,2	2009	885,1
2001	213,7	2010	1001,6
2002	250,6	2011	1305,9
2003	305,1	2012	1437,0
2004	391,1	2013	1551,5
2005	482,8	2014	1661,4
2006	605,9	2015	1867,3
2007	757,4	2016	1937,6
2008	926,1	2017	2115,5 (оценка)

Источники: Федеральная служба государственной статистики / Официальная статистика / Национальные счета / Валовой региональный продукт / В текущих основных ценах — всего (1998 — 2016 гг.) URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/ statistics/accounts;

Министерство экономического развития Республики Татарстан / Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2017 году. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1293899.pdf.

В постоянных ценах темпы роста ВРП в период с 2000 по 2008 гг. составляли от 3,6% до 11,0% в год. В 2009 году, в результате кризиса, ВРП республики сократился на 3,4%. Однако в дальнейшем он снова демонстрировал положительную динамику, хотя темпы его роста снизились, по сравнению с докризисным периодом: в 2010 году они составили 4,3%; в 2011 — 5,7%; в 2013 — 2,4%; в 2014 — 2,1%. В 2015 году ВРП Татарстана остался на уровне предшествующего года, а в 2016 году вновь увеличился (правда, лишь на 1%) [3]. 2017 году ВРП Татарстана вырос на 2,8% [4]. Несмотря уменьшение темпов роста ВРП, Татарстан по динамике данного показателя в период с 2011 по 2017 гг. превосходил как Приволжский федеральный округ, так и Российскую Федерацию в целом. По общему объему ВРП он в 2016 году, по данным Росстата, занимал восьмое место в России (после Москвы, Санкт-Петербурга, Московской области, Ханты-Мансийского округа, Краснодарского края, Свердловской области и Ямало-Ненецкого округа). В 2017, по данным Министерства экономического развития Татарстана, республика заняла: по объему ВРП – шестое место среди регионов Российской Федерации; по промышленному производству и строительству — пятое место; по сельскому хозяйству — третье место; по вводу жилья — восьмое место; по обороту розничной торговли — восьмое место; по объему инвестиций в основной капитал — четвертое место [4].

Важнейшей отраслью экономики Татарстана является добыча полезных ископаемых и, прежде всего, нефти. С 1943 года по настоящее время в республике добыто около 4 млрд тонн нефти (2007 году была утверждена специальная медаль «В ознаменование добычи трехмиллиардной тонны нефти Татарстана»). В 2000 году объем нефтедобычи в Татарстане составил 27,2 млн тонн, в 2005 — 30,7 млн, в 2010 — 32,5 млн тонн [5]. В 2017 году в республике было добыто 35,8 млн тонн нефти, что составило 6,5% всей нефти, добытой в Российской Федерации [6]. Доля «Татнефти» в общем объеме нефтедобычи в Татарстане в 2000 году равнялась 84,9%, в 2005 году — 82,4%, в 2010 году — 79,7% и в 2017 году — 79,8%. Доля малых нефтяных компаний в эти годы составила, соответственно, 15,1%, 17,6%, 20,3% и 20,2%. В 2017 году в Татарстане действовали 32 малые компании, занимающиеся добычей нефти [7]. С 1997 года, когда был издан указ Минтимера Шаймиева «О мерах по увеличению нефтедобычи в РТ», давший старт созданию малых нефтяных компаний, ими было добыто примерно 100 млн тонн нефти [8].

В целом добыча полезных ископаемых обеспечила в 2005 году 30,9% валового регионального продукта Татарстана, в 2012 году — 23,4% [9]. В 2017 году ее доля в ВРП составила 21,5% [10].

При этом экономику Татарстана нельзя назвать однобокой. Так, на долю обрабатывающих производств в 2005 году приходилось 16,9% валового регионального продукта, в 2012 году — 18,3%, а в 2017 году — 18,5%. Доля строительства в 2005, 2012 и 2017 гг. достигала 10,0%, 10,1% и 7,7% ВРП. Доля сельского хозяйства в эти годы составила, соответственно, 7,8%, 5,6% и 7,4%. На долю оптовой и розничной торговли приходилось 11,2%, 14,9% и 14,1%. На долю транспорта и связи — 7,3%, 8,4% и 8,1%. Соответственно 15,9%, 19,3% и 22,7% ВРП пришлось на долю всех прочих сфер экономики [11].

В структуре промышленности доля добычи полезных ископаемых в 2010 году составила 28,7%, а в 2017 году — 24,0%. Доля обрабатывающих производств в общей структуре промышленности в эти годы составила 62,8% и 69,2% (в том числе: доля

нефтеперерабатывающей, химической и нефтехимической промышленности — 29,6% в 2010 году и 33,9% в 2017 году; доля машиностроения — соответственно 22,9% и 23,2%) [12]. Суммарный объем отгруженной промышленной продукции (по всем отраслям промышленности) в Татарстане с 2011 по 2017 гг. увеличился с 1345,3 млрд руб. до 2254,2 млрд руб. [12]. Причем темпы его роста в республике были выше, чем в целом по Российской Федерации.

Этот рост в значительной степени явился результатом развития обрабатывающих производств, в том числе нефтепереработки и нефтехимии. В 2011 году в Нижнекамске был введен в эксплуатацию крупный нефтеперерабатывающий и нефтехимический комплекс «ТАНЕКО», контролируемый компанией «Татнефть». Там же в Нижнекамске был запущен в эксплуатацию и второй комплекс — «ТАИФ-НК» (в составе частной региональной группы компаний «ТАИФ»).

Из 35,7 млн тонн нефти, добытой в Татарстане в 2017 году, 16,3 млн тонн (то есть 45%) были отправлены на переработку. Нефтеперерабатывающие предприятия Татарстана в 2017 году произвели отгруженной продукции на 386,5 млрд руб. На долю данной отрасли пришлись 17,1% общего объема промышленного производства в республике. В 2017 в Татарстане было произведено 3141,4 тыс. тонн прямогонного бензина, 561,6 тыс. тонн автомобильного бензина, 3741,9 тыс. тонн дизельного топлива и 2109,5 тыс. тонн мазута [13].

Заметную место в структуре экономики Татарстана занимают также химия и нефтехимия. Суммарный объем отгруженной продукции данных отраслей в 2017 году составил 285,4 млрд руб., что составило 12,7% всего промышленного производства в республике. При этом на долю Татарстана пришлось примерно 12% химической и нефтехимической продукции, произведенной в Российской Федерации. Крупнейшими предприятиями данного профиля в республике являются «Нижнекамскнефтехим», «Казаньоргсинтез», «УК Татнефть-Нефтехим» и «Нэфис-Косметикс». В 2017 году в республике было произведено 1668,4 тыс. тонн пластиков, 936,9 тыс. тонн полиэтилена, 712,7 тыс. тонн синтетических каучуков, 212,0 тыс. тонн полипропилена, 134,3 тыс. тонн технического углерода и 439,8 тыс. тонн удобрений [14]. Было также произведено 14 млн автомобильных шин [15].

Как было показано выше, третью позицию в структуре промышленного производства в Татарстане (после добычи полезных ископаемых и производств, относящихся к нефтепереработке, нефтехимии и химии) занимает машиностроение, включая автомобилестроение. Причем в 2017 году по своей доле в промышленном производстве машиностроительная группа отраслей вплотную приблизилась к нефтедобыче. Флагманом машиностроения в республике является автозавод КамАЗ в Набережных Челнах. Кроме него, сборка автомобилей ведется на совместном российско-американском предприятии «Форд-Соллерс». Всего в 2017 году в Татарстане было произведено 53,2 тыс. грузовых и 24,0 тыс. легковых автомобилей. Вклад автомобильной промышленности в общий объем промышленного производства в Татарстане в 2017 году составил 11,7%. На долю КамАЗа к 2020 году приходилось 45% российского рынка тяжелых грузовиков. Концерн входит в число 20 крупнейших мировых производителей данного класса автомобилей [16].

Наряду с автомобилестроением, в республике также имеются авиастроительные и судостроительные предприятия. Среди них можно выделить Казанский авиационный завод имени С.П.Горбунова (филиал ПАО «Туполев») и Казанский вертолетный завод (входящий в холдинг «Вертолеты России»), а также Зеленодольский судостроительный завод имени А.М.Горького.

Важную роль в экономике Татарстана играет сельское хозяйство. В 2005 году объем продукции данной отрасли в республике составил 68,1 млрд руб., в 2011 году — 150,4 млрд, в 2017 году — 256,1 млрд руб. [17]. На долю Татарстана к началу 2020-х годов приходилось 2,3% российских сельскохозяйственных угодий. При этом республика производила 4,5% валовой продукции сельского хозяйства в России. В 2017 году республика занимала третье место среди регионов Российской Федерации по общему объему сельхозпродукции, первое место по производству товарного молока (1821,6 тыс. тонн), шестое место по производству мяса, включая мясо птицы (491,6 тыс. тонн) и восьмое место по сбору зерна (4868,2 тыс. тонн). Также в 2017 году в Татарстане было произведено 1,4 млн тонн картофеля, 3,1 млн тонн сахарной свеклы, 0,4 млн тонн овощей и 1,2 млрд штук куриных яиц [18]. По состоянию на 2017 год в республике насчитывалось свыше 30 крупных агрохолдингов, 451,2 тыс. личных подсобных хозяйств и 4,6 тыс. фермерских хозяйств [18].

Доля строительства в валовом региональном продукте Татарстана в 2012 — 2017 гг. несколько сократилась (как было показано выше). Однако в абсолютном выражении объем строительства вырос. В 2012 году в республике было сдано в эксплуатацию 2399,5 тыс. кв. м жилья, а в 2017 году — 2408,1 тыс. кв. м (в том числе 535,5 тыс. кв. м — по программе социальной ипотеки) [19].

Экономический рост в Татарстане в «нулевые» и 2010 годы сопровождался ростом доходов жителей республики. Среднедушевые денежные доходы населения Татарстана составили в 2005 году 7383 руб., в 2010 году — 18424 руб. и в 2016 году — 32609 руб. По данному показателю республика в 2016 году занимала 16 место среди 85 регионов России. При этом среднедушевые доходы в Татарстане составили 106,0% от общероссийского уровня и 126,7% от уровня Приволжского федерального округа [20, С. 242-243]. Среднемесячная номинальная зарплата работников организаций в республике в 2005 году составила 7068 руб., в 2010 году — 17350 руб. и в

2016 году — 30224 руб. Этот показатель в Татарстане в 2016 году был на 17,7% ниже общероссийского уровня, но на 10,9% превосходил уровень ПФО [20, С. 244-245]. В апреле 2018 года средняя заработная плата в республике достигла 34863 руб. [21]. В течение всего периода «нулевых» и 2010-х годов Татарстан как по размеру среднедушевого дохода, так и по среднемесячной заработной плате делил с Пермским краем 1-2 места в Приволжском федеральном округе, значительно опережая остальные 12 регионов ПФО.

Доходы населения являются важным, но не единственным фактором, влияющим на качество жизни. По совокупности этих факторов в рамках Программы развития ООН ежегодно составляется Национальный доклад с индексами развитии человеческого потенциала (ИРЧП) в Российской Федерации. В Докладе рассматриваются приоритетные для человека вопросы: рост благосостояния и уровня занятости, борьба с бедностью, повышение образовательного уровня, улучшение здоровья и решение демографических проблем, совершенствование институциональных условий развития экономики, экологическая и энергетическая безопасность, обеспечение равенства, проблемы, связанные с изменением климата. Также представлен анализ российских региональных проблем человеческого развития, обобщен положительный опыт российских регионов. В этом ежегодном докладе Татарстан постоянно занимает одно из ведущих мест. Так, по приведенному в докладе за 2014 год индексу развития человеческого потенциала, Татарстан в 2011 году занимал четвертое пятое место в Российской Федерации, уступая лишь Москве, Санкт-Петербургу и Тюменской области (включая входящие в область Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа). В Татарстане ИРЧП составил 0,880, а в целом по России — 0,854 пункта [22]. В качестве базы для определения данного индекса использовались: индекс доходов, индекс долголетия и индекс образованности. Причем Татарстан показал один из лучших показателей сбалансированности данных индексов. В докладе говорилось: «Помимо федеральных городов, только Белгородская область, Республика Татарстан и, в меньшей степени, Томская область имеют высокий рейтинг по всем трем индикаторам ИРЧП, развитие человеческого потенциала в них более сбалансировано».

Кроме индекса ИРЧП, Татарстан и по целому ряду других индексов развития входит в число передовых регионов России. Это подтверждается различными рейтинговыми исследованиями, проводившимися после 2000 года. Так, по параметрам конкурентоспособности регионов, рассчитанным по методике Давосского экономического форума, Республика Татарстан в 2008 году заняла одно из ведущих мест в России, эквивалентное 45 — 50 месту в мировом рейтинге (что соответствует, например, уровню Кипра) [23]. А согласно докладу «Измерение условий ведения бизнеса в российских регионах», который был подготовлен Российской экономической школой совместно с аудиторской компанией «Ernst and Young», Татарстан был признан наиболее привлекательным регионом для ведения бизнеса в Российской Федерации [24]. В 2011 году Татарстан занял первое место в рейтинге лучших российских регионов по условиям для предпринимательской деятельности, составленном американским журналом «Forbes» [25]. Согласно Национальному рейтингу состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, составляемому Агентством стратегических инициатив, Татарстан в 2015 — 2017 гг. занимал первое место среди регионов России. В 2018 году он пропустил вперед Тюменскую область и Москву, но остался в тройке лидеров [26].

Высокие инвестиционные рейтинги Татарстана, свидетельствуют об эффективности работы республиканских властей по созданию благоприятной среды для ведения бизнеса. И они, несомненно, способствуют привлечению в республику инвестиций (как из российских, в том числе местных, источников, так и из-за рубежа). В 2012 году инвестиции в основной капитал в Татарстане составили 479,8 млрд руб., в 2014 году — 542,8 млрд, в 2016 году — 636,5 млрд [27]. По данному показателю республика занимает первое место в Приволжском федеральном округе, значительно опережая все остальные регионы. Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности в 2016 году была следующей: сельское хозяйство (включая охоту и лесное хозяйство) — 4,6%; добыча полезных ископаемых — 12,7%; обрабатывающие производства — 35,7% (в том числе: производство нефтепродуктов — 20,3%; химическое производство — 4,8%; производство транспортных средств и оборудования — 3,3%; производство пищевых продуктов, напитков и табака — 2,1%); производство и распределение электроэнергии, газа и воды — 7,2%; транспорт и связь — 12,0%; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — 16,0%; остальные виды деятельности — 11,8% [28].

А в октябре и ноябре 2017 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) провел развернутый социологический опрос населения Татарстана, в котором приняли участие свыше 1500 респондентов. Согласно его результатам, 77% всех опрошенных отметили, что довольны общей ситуацией в республике (в целом по Российской Федерации этот показатель составил 64%.). А недовольны положением дел в Татарстане были только 18%. При этом половина респондентов высказали мнение, что в Татарстане в целом живется лучше, чем в других регионах России. О том, что в республике живется хуже, заявили лишь 12% [29]. Таким образом, опрос показал, что жители Татарстана не только высоко оценивают положение в республике, но и в значительной

своей части считают, что общая ситуация в Татарстане (по многим показателям) лучше, чем в целом ряде других регионов Российской Федерации. Конечно, это мнение носит субъективный характер, но оно вполне соответствует приведенным выше данным об индексе развития человеческого потенциала, который в Татарстане в 2010-х годах был заметно выше, чем в остальных регионах Приволжского федерального округа, и превосходил среднероссийский уровень.

Список использованной литературы

1. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации / Официальная статистика / Национальные счета / Валовой региональный продукт / В текущих основных ценах на душу населения (1998-2016 гг.) URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat _main/rosstat/ru/statistics/accounts/.

2. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации / Официальная статистика / Национальные счета / Валовой региональный продукт / В текущих основных ценах — всего (1998-2016 гг.) URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru /statistics/accounts/.

3. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации / Официальная статистика / Национальные счета / Валовой региональный продукт / Индексы физического объема в процентах к предыдущему году (1998-2016гг.) URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat _main/rosstat/ru/statistics/accounts/.

4. Министерство экономического развития Республики Татарстан / Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2017 году // http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1293899.pdf.

5. Борисов Д., Мустафин А. Перспективы дальнейшего развития нефтегазового сектора Республики Татарстан: возможности и риски // Нефтегазовая вертикаль (электронная версия). — М., 12.08.2013. URL: http://www.ngv.ru/pr/perspektivy-dalneyshego-razvitiya-neftegazovogo-sektora-respubliki-tatarstan-vozmozhnosti-i-riski-/?sphrase_id=687483.

6. Татарстан в 2017 году сохранил объем добычи нефти на уровне 2016 года // Электронная газета «ТАСС». — М., 26.01.2018. URL: https://tass.ru/ekonomika/4906682.

7. Информационно-новостной сайт «KazanFirst». URL: https://kazanfirst.ru/articles/472661.

8. Бизнес-Online. Деловая электронная газета Татарстана, 12.07.2017. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/351239.

9. Социально-экономическое развитие Республики Татарстан в 2012 году. — Казань, Министерство экономики РТ, 2013, с. 7; Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации / Официальная статистика / Национальные счета / Валовой региональный продукт / Структура ВРП по отраслям экономики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm.

10. Министерство экономического развития Республики Татарстан / Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2017 г. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1293899.pdf.

11. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации / Официальная статистика / Национальные счета / Валовой региональный продукт / Структура ВРП по отраслям экономики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/tab-vrp2.htm; Социально-экономическое развитие Республики Татарстан в 2012 году. — Казань, Министерство экономики РТ, 2013, с. 7; Министерство экономического развития Республики Татарстан / Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2017 году. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1293899.pdf.

12. Министерство экономического развития Республики Татарстан / Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2017 г. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1293899.pdf.

13. Информационный портал «Made in Tatarstan» / Нефтепереработка. URL: http://madeintatarstan.com/promo-refining.

14. Информационный портал «Made in Tatarstan» / Химическая промышленность. URL: http://madeintatarstan.com/promo-chemistry.

15. Информационно-новостной сайт «KazanFirst». URL: https://kazanfirst.ru/articles/472661.

16. Информационный портал «Made in Tatarstan» / Автомобильная промышленность. URL: http://madeintatarstan.com/promo-auto.

17. Эксперт Татарстан. — Казань, 05.11.2015. URL: https://expertrt.ru/tema/1120-urozhaj-subsidij.html; Министерство экономического развития Республики Татарстан / Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2017 г. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1293899.pdf.

18. Информационный портал «Made in Tatarstan» / Сельское хозяйство. URL: http://madeintatarstan.com/promo-farm.

19. Министерство экономического развития Республики Татарстан / Основные показатели социально-экономического развития Республики Татарстан в 2017 г. URL: http://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1293899.pdf.

20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017. — М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2017.

21. Средняя зарплата в России по регионам в 2018 году // портал «Финансовая возможность» (fincan.ru). URL: http://fincan.ru/articles/16_srednyaya-zarplata-v-rossii-po-regionam-v-2018-godu.

22. Зубаревич Н.В. Развитие и человеческий потенциал регионов // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М.Григорьева и С.Н.Бобылева. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. С. 40.

23. Итоги. — М., 27.10.2008.

24. Социально-экономическое развитие Татарстана: тенденции, перспективы, возможности // Деловой центр Республики Татарстан. Интернет-портал «TatCenter.ru». URL: http://info.tatcenter.ru/online/35.

25. Лучшие регионы для бизнеса // Forbes (русское издание — электронный вариант), 30.05.2011.

26. Макаркина Н. Национальный рейтинг инвестклимата в 2018 году возглавила Тюменская область // Новости Агентства стратегических инициатив, 25.05.2018. URL: https://asi.ru/news/91678/

27. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан / Официальная статистика / Предпринимательство / Инвестиции / Основные показатели инвестиционной деятельности в Республике Татарстан. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/enterprises/investment/

28. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан / Официальная статистика / Предпринимательство / Инвестиции / Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности. URL: http://tatstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/tatstat/ru/statistics/enterprises/investment/

29. Информационно-новостной сайт «KazanFirst». 11.12.2017. URL: https://kazanfirst.ru/articles/454252.

УДК 33
ГРНТИ 63.03

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Еремичева О.Ю.
к.э.н., доцент, доцент
Мащенко М.О.
студент
Панкова А.В.
студент
Самарский государственный технический университет,
(Россия, г. Самара)

ON THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

O.Yu. Eremicheva,
PhD in economics
M. Mashchenko,
student
A. Pankova
student
Samara State Technical University,
(Samara, Russia)

АННОТАЦИЯ

Проведен анализ понятия «цифровая экономика», выделены нормативно-правовые акты в области цифровизации. В ходе работы были установлены показатели цифровизации экономики. На основе данных показателей проведен анализ уровня цифровизации Приволжского федерального округа. Определена роль цифровизации в региональном аспекте. В процессе анализа выявлены проблемы в развитии цифровой экономики и предложены направления по их решению.

ANNOTATION

The analysis of the concept of "digital economy" is carried out, regulatory legal acts in the field of digitalization are highlighted. In the course of the work, indicators of the digitalization of the economy were established. Based on these indicators, the analysis of the level of digitalization of the Volga Federal District is carried out. The role of digitalization in the regional aspect is determined. In the course of the analysis, problems in the development of the digital economy are identified and directions for their solution are proposed.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая экономика, показатели цифровой экономики, цифровые технологии, региональное развитие.

Keywords: digitalization, digital economy, indicators of the digital economy, digital technologies, regional development.

Современное развитие экономики возможно при ее цифровизации. Положительные изменения, полученные в ходе внедрения цифровой экономики, наблюдаются как в сфере услуг так и в производстве.

Понятие «цифровая экономика» как аналог английского словосочетания «digital economy» достаточно новое. Оно вошло в научный и практический оборот четверть века назад с выходом в свет работ канадского экономиста Дона Тапскотта «Цифровая экономика» (1994 г.) и американского экономиста Николаса Негропонте «Цифровое существование» (1995 г.) [1].

Одновременно в литературе можно встретить и другие ее названия: интернет-экономика и веб-экономика.

Авторы как правило, указывают на необходимость рассмотрения цифровой экономики с различных точек зрения: с точки зрения макроэкономики, конкуренции, рынка труда, изменений в организационной структуре. В большей мере они фокусируются на электронной торговле, ее влиянии на проблемы приватности, уровне развития цифровизации и достигших разрывов, на попытки объяснения взаимосвязей между новой экономикой, новыми типами бизнеса и новыми технологиями и возникающих инновациях.

В таблице 1 представим определения современных авторов на понятие «цифровая экономика».

Таблица 1

Подходы авторов к понятию «цифровая экономика»

Авторы	Определение «цифровая экономика»
Dahlman et al., 2016: Harnessing the Digital Economy for Developing Countries (OECD)	- это сочетание технологий общего применения и ряда видов экономической и общественной деятельности, осуществляемых пользователями Интернета при помощи соответствующих технологий. Цифровая экономика, таким образом, включает в себя физическую инфраструктуру, которую задействуют цифровые технологии (широкополосные проводящие сети, маршрутизаторы), устройства доступа (компьютеры, смартфоны), информационные системы (Google, Salesforce) и обеспечиваемый ими функционал («Интернет вещей», анализ больших данных, облачные вычисления)»
Lane, 1999: Advancing the Digital Economy into the 21st Century (Assistant to the US President for Science and Technology)	- это конвергенция компьютерных и коммуникационных технологий в сети Интернет и возникающий поток информации и технологий, которые стимулируют развитие электронной торговли и масштабные изменения в организационной структуре
Казаков О.Д., Баёв В.К., Желяев П.Ю.	- это система взаимоотношений, включающая все сферы человеческой деятельности, объединенных использованием цифровых технологий.

Обработка большого объема информации в короткие сроки с помощью цифровых ресурсов, является основным отличием цифровой экономики от традиционной.

В Указе Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» установлено легальное определение цифровой экономики: ««хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»[2].

Кроме того, в Российской Федерации разработана и действует программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [3]. В рамках данной программы действуют семь подпрограмм, например, «Кадры для цифровой экономики», «Цифровые технологии», «Искусственный интеллект».

Основными составляющими «цифровой экономики», как правило, выделяют [4]:

– инфраструктуру, включающую технические средства, центры хранения, обработки и преобразования информации, центры передачи информации, программное обеспечение, средства телекоммуникаций и т. д.;

– электронные услуги органов законодательной и исполнительной государственной власти и управления;

– электронную коммерцию, которая в настоящее время является одним из наиболее крупных сегментов «цифровой экономики»;

– бизнес-процессы хозяйствующих субъектов посредством компьютерных сетей в условиях виртуальных взаимодействий между субъектами рынка.

Проведем исследование уровня цифровизации на примере субъектов Приволжского федерального округа за период с 2015 по 2019 гг. [5]. В качестве критериальных показателей выберем следующие:

- Удельный вес организаций, использующие интернет,
- Удельный вес организаций, имеющие сайты,
- Организации, использующие электронный документооборот,
- Домашние хозяйства, имеющие доступ к сети Интернет,

•Население, использующее сеть Интернет для получения государственных **и муниципальных услуг.**

Рассмотрим удельный вес организаций, использующие интернет, в таблице 2.

Таблица 2

Удельный вес организаций в Приволжском федеральном округе, использующие интернет, %

Удельный вес организаций, использующих интернет, %	2015 г	2016 г	2017 г	2018 г	2019 г	Отклонение, +/-
Приволжский федеральный округ	87,2	88,0	88,7	91,2	92,8	5,6
Республика Башкортостан	96,2	91,3	93,4	93,0	92,6	-3,6
Республика Марий Эл	90,4	85,4	86,5	88,5	94,2	3,8
Республика Мордовия	80,1	78,0	79,7	89,6	93,8	13,7
Республика Татарстан	94,0	95,5	98,1	97,7	98,2	4,2
Удмуртская Республика	83,9	87,2	88,0	93,7	94,3	10,4
Чувашская Республика	88,7	92,6	91,2	93,3	95,0	6,3
Пермский край	90,0	91,5	89,7	91,9	90,4	0,4
Кировская область	73,6	87,4	88,2	90,2	92,0	18,4
Нижегородская область	95,6	95,7	95,8	94,7	94,5	-1,1
Оренбургская область	94,1	94,8	94,2	94,5	95,6	1,5
Пензенская область	90,3	90,5	92,6	91,8	93,7	3,4
Самарская область	70,6	77,8	76,8	83,7	88,4	17,8
Саратовская область	85,3	77,3	78,9	85,9	88,2	2,9
Ульяновская область	87,8	89,3	87,9	86,7	89,1	1,3

На основании данных таблицы 2, мы видим, что в период с 2015 по 2019 гг. существенно увеличился удельный вес организаций, использовавших интернет в ПФО, так в 2016 году данный показатель составлял 87,2 %, в 2019 году – 92,8%.

Практически во всех регионах ПФО наблюдается рост предприятий, использовавших интернет, исключение составляет только Республика Башкортостан и Нижегородская область, там наблюдается снижение данного показателя. Наибольший рост предприятий, использовавших интернет наблюдается в Кировской области - 18,4%, а также в Самарской области – 17,8 %.

Наибольший уровень организаций, использовавших интернет в Республике Татарстан – 98,2% в 2019 году. Наименьший уровень в Саратовской области – 88,2% в 2019 году.

Таблица 3

Удельный вес организаций, в Приволжском федеральном округе, имеющих сайты, %

Удельный вес организаций, имеющих сайты, %	2015 г	2016 г	2017 г	2018 г	2019 г	Отклонение, +/-
Приволжский федеральный округ	42,0	45,1	46,3	49,2	51,7	9,7
Республика Башкортостан	48,3	52,6	53,6	53,8	54,3	6,0
Республика Марий Эл	38,7	36,6	41,9	44,2	49,6	10,9
Республика Мордовия	33,2	28,9	36,5	45,8	49,9	16,7
Республика Татарстан	44,4	50,0	49,3	42,4	54,1	9,7
Удмуртская Республика	49,0	46,3	48,6	54,4	55,0	6,0
Чувашская Республика	61,0	63,9	64,1	66,6	68,7	7,7
Пермский край	40,8	44,2	42,5	44,8	52,6	11,8
Кировская область	31,8	39,2,	39,4	33,2	45,5	13,7
Нижегородская область	46,6	52,3	53,4	54,4	55,7	9,1
Оренбургская область	47,5	50,5	53,4	54,9	54,6	7,1
Пензенская область	48,4	51,6	53,4	52,0	55,3	6,9
Самарская область	31,0	36,8	37,1	44,9	49,5	18,5
Саратовская область	37,4	35,5	37,1	43,8	45,1	7,7
Ульяновская область	41,2	40,9	43,1	44,4	47,0	5,8

Удельный вес организаций, имеющих сайт, увеличивается во всех регионах ПФО в период с 2015 по 2019 гг.

Наибольший рост предприятий, имеющих сайт, происходит в Республике Мордовия – 16,7% и Самарской области – 18,5%. В Чувашской Республике наибольшее количество предприятий, имеющих сайт - 68,7% в 2019 году. В Саратовской области наблюдается наименьший уровень предприятий, имеющих сайт, всего - 45,1%. В целом, в ПФО можно отметить рост предприятий, имеющих сайт в период с 2015 по 2019 гг.

Таблица 4

Организации, в Приволжском федеральном округе, использовавшие электронный документооборот, %

Организации, использовавшие электронный документооборот, %	2015 г	2016 г	2017 г	2018 г	2019 г	Отклонение, +/-
Приволжский федеральный округ	65,2	67,7	67,3	70,3	72,5	7,3
Республика Башкортостан	73,8	74,2	70,6	75,2	73,6	-0,2
Республика Марий Эл	68,7	68,1	67,3	69,5	75,3	6,6
Республика Мордовия	66,8	66,5	64,4	71,6	77,5	10,7
Республика Татарстан	69,4	73,3	76,4	76,9	75,9	6,5
Удмуртская Республика	71,9	67,6	67,7	71,3	72,4	0,5
Чувашская Республика	68,6	72,1	70,9	42,1	74,4	5,8
Пермский край	68,1	70,6	67,5	71,8	74,1	6,0
Кировская область	59,8	42,2	71,1	68,8	75,1	15,3
Нижегородская область	69,5	71,6	72,3	74,3	72,5	3,0
Оренбургская область	74,4	75,9	43,1	74,0	77,0	2,6
Пензенская область	63,7	65,7	67,8	67,0	72,3	8,6
Самарская область	48,0	55,6	55,0	60,2	66,1	18,1
Саратовская область	59,1	54,2	56,1	62,3	64,1	5,0
Ульяновская область	71,5	73,3	69,9	69,3	71,1	-0,4

В ПФО в период с 2015 по 2019 гг. наблюдается рост предприятий, использовавших электронный документооборот на 7,3%, так в 2019 году данный показатель составлял 72,5%.

Только в двух регионах ПФО отмечается снижение предприятий с электронным документооборотом, в Ульяновской области на 0,4% и Республике Башкортостан – 0,2%.

Следует также обратить внимание на такие показатели как доступ к информационным технологиям домашних хозяйств и активность использования населением государственных и муниципальных услуг с помощью сети Интернет.

Таблица 5

Домашние хозяйства, имеющие доступ к сети Интернет, в субъектах Приволжского федерального округа, %

Удельный вес домашних хозяйств, использовавших интернет, %	2015 г	2018 г	2019 г	Отклонение, +/-
Приволжский федеральный округ	69,2	74,9	74,5	5,3
Республика Башкортостан	71,2	79,7	77,5	6,3
Республика Марий Эл	71,2	66,1	67,2	-4,0
Республика Мордовия	69,6	67,1	65,1	-4,5
Республика Татарстан	83,1	81,8	78,1	-5,0
Удмуртская Республика	69,4	70,3	71,4	2,0
Чувашская Республика	73,2	62,6	71,8	1,4
Пермский край	67,8	72,6	70,3	2,5
Кировская область	64,9	64,1	66,3	1,4
Нижегородская область	61,1	72,9	70,1	9,0
Оренбургская область	71,9	80,5	87,9	16,0
Пензенская область	62,4	71,9	73,9	11,5

Самарская область	67,6	81,8	76,1	8,5
Саратовская область	65,7	73,3	79,7	14,0
Ульяновская область	62,9	70,5	66,0	3,1

В целом по ПФО по сравнению с 2015 годом наблюдается увеличение домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет. Исключения составляют республики Марий Эл, Мордовия и Татарстан.

Таблица 6

Население, использующее сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в субъектах Приволжского федерального округа, %

Взаимодействие через сеть Интернет, в % от общей численности населения	2015 г	2018 г	2019 г	Отклонение, +/-
Приволжский федеральный округ	23,6	62,5	65,6	42,0
Республика Башкортостан	28,3	78,3	85,5	57,2
Республика Марий Эл	11,5	40,4	37,7	26,2
Республика Мордовия	16,5	39,8	34,9	18,4
Республика Татарстан	50,9	78,1	79,1	28,2
Удмуртская Республика	18,9	61,1	59,9	41,0
Чувашская Республика	37,5	49,8	52,4	14,9
Пермский край	19,8	35,9	46,3	26,5
Кировская область	23,6	48,1	52,4	28,8
Нижегородская область	13,8	63,1	71,8	58,0
Оренбургская область	8,3	67,2	74,6	66,3
Пензенская область	13,2	59,9	61,1	47,9
Самарская область	19,0	62,3	50,1	31,1
Саратовская область	18,8	74,6	83,0	64,2
Ульяновская область	20,4	45,5	48,7	28,3

Значительное увеличение по сравнению с 2015 годом произошло среди населения, использующих официальные сайты и порталы государственных и муниципальных услуг, мобильные устройства и электронную почту во всех субъектах Приволжского федерального округа.

В свою очередь, анализируя цифровизацию субъектов Приволжского федерального округа по представленным показателям, можно сделать следующие выводы:

- в рассматриваемый период наблюдается рост предприятий, использующих интернет, имеющих сайты и применяемых электронный документооборот,
- наибольшие показатели по уровню цифровизации наблюдаются в Республике Татарстан, Чувашской Республике, Оренбургской области,
- наименьшие показатели по уровню цифровизации наблюдаются в Саратовской области, Самарской области и Ульяновской области,
- рост домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет и увеличение населения, использовавших сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг во всех субъектах Приволжского федерального округа

Таким образом, цифровизация экономики видоизменяет условия жизнедеятельности человека. Компании могут использовать большие данные и новые технологии, чтобы изменить всё: от разработки продукции до того, как клиенты обслуживаются. В целях обеспечения технологического прорыва цифровая трансформация в России и в регионах может предложить следующие:

– во-первых, развитие взаимодействия между правительством, бизнесом и научно-образовательным сообществом для формирования масштабируемой, умной и безопасной инфраструктуры, способной в упреждающем порядке обеспечивать стремительное развитие цифровой экономики, в том числе в удалённых и сельских районах;

– во-вторых, повышение цифровой грамотности населения за счет поступательного обучения и воспитания граждан, начиная с детского сада и заканчивая высшим образованием; совместной деятельности предприятий и вузов в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР); повышения квалификации управленческих кадров и работников сферы информационных технологий; популяризации цифровых услуг среди сельского населения;

– в-третьих, культурную трансформацию, предполагающую переход к открытому взаимодействию между группами, позволяющему

обеспечить обмен знаниями, активное решение проблем, принятие риска и способность превратить неудачи в возможности.

В качестве основных проблем в развитии цифровой экономики в России и ее регионах можно выделить следующие:

–низкий уровень нормативно-правового обеспечения вопросов регулирования общественных отношений в данной области;

–отсутствие центров обработки и хранения данных на территории страны, способных обеспечить устойчивость и безопасность функционирования цифровой инфраструктуры;

–недостаточный уровень использования средств защиты информации, обеспечения маршрутизации сетевого трафика российского сегмента «Интернет», что определяет необходимость реализации мер по обеспечению защиты прав и интересов личности, бизнеса и государства в киберпространстве.

Список используемой литературы

1. Хоменко Е.Б. Цифровая экономика: актуальные вопросы теории и практики // Вестник Удмуртского университета. серия: экономика и право. – 2021. – Том 31. - №1. – с. 45-52

2. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 "О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/, (дата обращения: 03.06.2021 г.)

3. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 N 1632-р <Об утверждении программы "Цифровая экономика Российской Федерации"> // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/, (дата обращения: 03.06.2021 г.)

4. Хафизова Э.Р., Фазулзянова А.Р., Хусаинова Е.А. Цифровая трансформация в экономике // Трибуна ученого. – 2021. - №1. – с. 588-595

5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области/Официальный сайт. (gks.ru)-samarastat.gks.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЦЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ[1]

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88.1417

Владимир Кузьмич Дуюнов
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»
Института права Тольяттинского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ

STATE POLICY OBJECTIVES IN THE FIELD OF COMBATING CRIME[2]

Vladimir Kuzmich Duyunov,
Professor of the Department of "Criminal Law and Process"
Institute of Law of Togliatti State University,
Doctor of Law, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation
ResearcherID: E-7627-2019
ORCID: 0000-0003-1078-0170

ABSTRACT

The paper examines the concept and goals of the state policy of countering crime, which is considered as a special direction of state activity associated with the development and implementation of strategies and tactics (general line) of organized resistance to crime and other offenses. Conditioned by the objective need to protect society from criminal encroachments, this policy is formed and implemented as a response of the state and society to the very fact of the existence of crime, its dangerous prevalence and continuous growth, and is designed to serve as a solution to the social conflict associated with the existence of crime. All this determines the goals of counteraction crime policy, its ideology, the main parameters, structure, main directions (types) and implementation practice. As a relatively independent and complexly organized type of social policy, it is implemented through a hierarchically structured system of subordinate types of policies at different levels, each of which has its own goals, objectives and content, and together they all serve to implement the general goal of reducing crime as much as possible, deterring it and keeping it at a socially acceptable level. The diversity and multi-level nature of the goals in the field of crime prevention, which make the process of their implementation long, complex and ambiguous, require a certain systematization of them. In this regard, the author formulated a number of important (in fact, key) requirements for the formation and implementation of goals, as well as the construction of their system in the field of combating crime, which could become important factors for achieving the planned results. At the same time, the author critically assesses the identification of the policy in the field of combating crime as a combination of all the efforts of the state and society aimed at countering crime with criminal policy as the activity of the state related to the criminalization and penalization of acts, the development and implementation of strategies and tactics, forms and methods of influencing crime with the help of criminal legal instruments.

АННОТАЦИЯ

В работе исследуются понятие и цели государственной политики противодействия преступности, которая рассматривается как специальное направление деятельности государства, связанное с разработкой и реализацией стратегии и тактики организованного сопротивления преступности и иным правонарушениям. Обусловленная объективной потребностью охраны общества от преступных посягательств, эта политика формируется и реализуется в качестве ответной реакции государства и общества на сам факт существования преступности, ее опасную распространенность и непрерывный рост, и призвана служить разрешению социального конфликта, связанного с существованием преступности. Все это предопределяет цели политики противодействия преступности, ее идеологию, основные параметры, структуру, основные направления (виды) и практику реализации. Как относительно самостоятельный и сложно организованный вид социальной политики, она реализуется через иерархически выстроенную систему подчиненных ей видов политики разных уровней, каждая из которых имеет свои цели, задачи и содержание, и в своей совокупности все они служат осуществлению общей для них генеральной цели максимально возможного сокращения преступности, ее сдерживания и удержания на социально приемлемом уровне. Многообразие и разноуровневый характер целей в сфере противодействия

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00141 «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

[2] The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00141 «Criminal law impact as the state's response to crimes and criminality and its role in ensuring Russia's national security».

преступности, делающие процесс их реализации длительным, сложным и неоднозначным, требуют определенной их систематизации. В связи с этим автором сформулирован ряд важных (по факту – ключевых) требований к формулированию и реализации целей, а также построению их системы в сфере противодействия преступности, которые могли бы стать важными факторами достижения планируемых результатов. При этом автором критически оценивается отождествление политики в сфере противодействия преступности как совокупности всех усилий государства и общества, направленных на противодействие преступности, с уголовной политикой, как деятельностью государства, связанной с криминализацией и пенализацией деяний, разработкой и реализацией стратегии и тактики, форм и методов воздействия на преступность при помощи уголовно-правовых инструментов.

Keywords: state policy of counteraction crime, goals and types of counteraction crime policy, criminal policy, requirements for the formulation and implementation of goals, criminal legal impact, state response to crimes and criminality.

Ключевые слова: реакция государства на преступления и преступность, уголовно-правовое воздействие, политика противодействия преступности, цели и виды политики противодействия преступности, уголовная политика, требования к формулированию и реализации целей.

Решение одной из наиболее острых проблем, стоящих и сегодня перед Российским государством, которая связана с необходимостью охраны общества от преступных посягательств и надежного обеспечения национальной безопасности страны, мира и безопасности человечества диктует требование разработки и реализации единой, научно обоснованной и грамотно реализуемой государством (при безусловном и активном участии общественности, институтов гражданского общества) социальной политики, определяющей стратегию и тактику соответствующей деятельности по противодействию преступности, чтобы «перейти от недостаточно организованных, нескоординированных, разрозненных и не всегда обоснованных действий государственных органов к основанной на единой концепции политике высокоорганизованного сопротивления преступности» [12, с. 515-545; 16, с. 17-21; 11, с. № 3-4, с. 28-30; № 5-6, с. 25-26; № 7-8, с. 20-22; 32, с. 41; 17, с. 74-108].

Объективно существующая потребность охраны общества от преступных посягательств обусловливает соответствующее направление деятельности государства, предопределяя не только необходимость в такой деятельности, ее цели, задачи и основные параметры (характер, содержание, пределы, формы реализации и объем), но и соответствующее направление (вид) государственной политики - политику противодействия преступности, оказывая определяющее влияние как на ее идеологию, так и на практику ее реализации.

Государственная политика противодействия преступности, являющаяся составной частью и видом (подвидом) государственной социальной политики, представляет собой обусловленное упомянутой выше социальной потребностью специальное направление деятельности государства (при участии и поддержке институтов гражданского общества и отдельных граждан), связанное с разработкой и реализацией стратегии и тактики (генеральной линии) организованного сопротивления преступности и иным правонарушениям[3]. Эта политика формируется и реализуется как ответная реакция государства и общества на сам факт существования преступности как негативного социального явления, ее опасную распространенность и непрерывный рост, и призвана служить разрешению социального конфликта, связанного с существованием преступности.

Содержательно эта политика состоит в поиске, разработке и целенаправленном использовании всех имеющихся в распоряжении государства и общества ресурсов, эффективных общесоциальных и специальных предупредительных мер, необходимых и достаточных для разрешения указанного социального конфликта и обеспечения

[3] Для обозначения такого вида государственной и общественной деятельности в специальной литературе используются разные термины: «борьба», «контроль», «противодействие», «предупреждение», «реагирование» и др. (см., напр.: 4, с. 38-41; 22, с. 188-189; 10, с. 535-536; 26, с. 88; 35;). Понятие «противодействие преступности» представляется наиболее удачным: поскольку необходимость защиты общества от преступных посягательств предполагает обязательное использование общесоциальных мер, которые не имеют специальной направленности на борьбу с преступностью, но имеют очень важный предупредительный ресурс, более точным было бы именовать весь комплекс соответствующих мер – мерами противодействия преступности и соответствующее направление внутренней политики государства – политикой противодействия преступности. Данное понятие предполагает и необходимую комплексность, (в отличие от термина «борьба», не включающего в себя меры общесоциального характера, или термина «предупреждение», не охватывающего меры реагирования на преступления), и наступательность (в отличие, например, от термина «контроль») в решении соответствующей проблемы. Понятия же борьбы с преступностью, политики в сфере борьбы с преступностью и т.п. правильнее применять в случаях, когда речь идет о совокупности мер, специально направленных на борьбу с преступностью. Безусловно, «право на существование» имеют и иные перечисленные выше понятия, если они употребляются «к месту» - в точном соответствии со своим содержанием и значением.

надежной охраны общества от преступных посягательств. Основанием такой политики служит соответствующая идеология как осмысленная совокупность господствующих в обществе на соответствующем этапе его исторического развития идей, взглядов, представлений о том, какой должна быть по своему характеру и содержанию указанная реакция и, соответственно, политика государства в отношении преступности и преступников, на каких принципах, во имя каких целей, какими методами и средствами, по каким основным направлениям и в каких формах она должна реализовываться. Воплощаемая в соответствующих нормативно- и политико-правовых документах и реализуемая в деятельности, связанной с охраной общественных отношений от преступных посягательств, эта идеология определяет стратегию и тактику противодействия преступности - цели, принципы, основные направления (формы), методы, содержание, характер и перспективы соответствующих усилий государства и общества [4, с. 32; 26, с. 87; 21, с. 4; 3, с. 27].

Важнейшее значение для правильного понимания и эффективной реализации государственной политики противодействия преступности имеет определение ее целей. Согласно нашим представлениям, целью политики государства в сфере противодействия преступности - такой «конечной», генеральной целью и одновременно повседневной задачей, объединяющей все усилия государства и общества в данной сфере, следует считать сдерживание роста преступности, обеспечение максимального ее сокращения и удержания на минимально возможном уровне посредством реализации комплекса мер общесоциального и специального криминологического и правового воздействия на порождающие и перманентно воспроизводящие ее причины и условия, сведение преступности к такому уровню, при котором она «перестанет быть угрозой национальной безопасности, способной подорвать устои жизни общества, повернуть его развитие вспять» [30, с. 24; 28].

Подобным же образом, но в иных выражениях определяются цели политики государства в рассматриваемой сфере и другими авторами. «Противодействие преступности, - пишет, к примеру, В.Ф. Цепелев, - представляет собой систему мероприятий по обеспечению безопасности личности, общества и государства, направленных на выявление и нейтрализацию причин преступлений, условий, способствующих их совершению, а также на обнаружение, предотвращение и пресечение преступлений с помощью организационных, профилактических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных мер воздействия. Рассматривая противодействие преступности в виде системы, следует особое внимание обратить на цель и эффективность. Полагаю, целью противодействия преступности является обеспечение защищенности личности, общества и государства от преступности в целом и наиболее опасных ее видов, снижение уровня преступности и последующее удержание ее на определенном, социально приемлемом уровне, минимизация и ликвидация последствий преступной деятельности» [34, с. 341-345]. Другие авторы соответствующую цель формулируют как «сдерживание преступности, удержание ее в контролируемых государством рамках» (А.И. Коробеев) [18, с. 127-132], как «способствование прогрессивному, поступательному развитию государства, общества и человека», «максимально возможное в текущий момент времени искоренение преступности, а так же причин и условий, её порождающих, во всех проявлениях», или даже как «достижение одной сверхцели: полное искоренение преступности в стране и в мире» (Ю.В. Голик) [8, с. 187-198] и т.д. С подобными формулировками генеральных целей можно было бы согласиться, однако лишь с некоторыми уточнениями и при условии, что речь идет о целях политики противодействия преступности, а не о целях только уголовной политики, как у В.Ф. Цепелева, А.И. Коробеева и др., или только о целях отрасли уголовного права или уголовного законодательства, как у Ю.В. Голика и др.

Мы исходим из того, что противодействие такому сложному и опасному социальному явлению, как преступность, требует исключительно серьезных усилий государства и общества и может быть успешным только на основе использования широкого комплекса мер, и отнюдь не только уголовно-правовых, а прежде всего предупредительных специальных и общесоциальных (социально-экономических, социально-политических, социально-культурных, организационно-управленческих, общеправовых и т.п.), которые, не будучи специально предназначены для противодействия преступности, имеют решающее значение для противодействия преступности, поскольку несут в себе очень важный превентивный заряд, воздействуя на причины совершения преступлений.

Достижение указанных выше сложнейших социальных целей средствами, усилиями и в рамках только отрасли уголовного права, уголовного законодательства или уголовной политики, представляется невозможным. Это понимают, безусловно, и наши уважаемые оппоненты, но по их мнению, вся упомянутая выше масштабная и сложнейшая деятельность реализуются в рамках именно уголовной политики, которую они трактуют как совокупность всех усилий, необходимых и достаточных для эффективного противодействия преступности [9, с. 27; 20, с. 46; 23, с. 32; 6, с. 179; 19, с. 10;], т.е. все содержание политики государства в сфере противодействия преступности они пытаются «уместить» в содержание понятия «уголовная» или даже «уголовно-правовая» политика. По мнению, например, А.А. Герцензона: «Уголовная политика реализуется в процессе применения на практике как специальных мер (криминологических, уголовно-процессуальных, исправительно-трудовых,

уголовно-правовых), так и мер чисто социального характера (экономических, идеологических, медицинских и т. д.)» [6, с. 179]. Некоторые авторы рассматривают данное понятие как еще более широкое – как «особый вид социальной деятельности, направленной на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям» [4, с. 32], ассоциируют его с политикой, направленной «на борьбу с общественно опасными деяниями» [2, с. 118-119], с деятельностью государства «по борьбе с преступностью и тесно связанными с нею другими формами антиобщественного поведения» [26, с. 87], что представляется нам неправильным.

По нашему мнению, вкладывать упомянутые выше общесоциальные и специальные меры противодействия преступности в содержание понятия «уголовная политика» только на том основании, что они имеют определенное значение (косвенное, ведь основное их предназначение иное) в том числе и для противодействия преступности, нет достаточных оснований. Соответственно, именовать «уголовной» или «уголовно-правовой» политику, в рамках которой осуществляются в том числе и такие – имеющие иное социальное назначение меры, было бы неправильно. Оттого, что к совокупности мер уголовно-правового воздействия, вытекающих из уголовно-правовой политики, прибавляются меры не уголовно-правового характера (криминологические, уголовно-исполнительные, уголовно-процессуальные, а тем более далекие от уголовного права меры общесоциального характера), государственная политика в сфере противодействия преступности не может именоваться «уголовной» [16, с. 17-21; 12, с. 515-545; 11, с. № 3-4, с. 28-30; № 5-6, с. 25-26; № 7-8, с. 20-22;]. Это и не логично, не правильно, и лишено смысла. Все эти, обусловленные упомянутой выше социальной потребностью, общесоциальные и специальные меры реализуются в рамках соответствующей организующей их государственной политики, которая призвана объединить все усилия государства и общества в противодействии преступности, обеспечить их научную обоснованность, придать им организованный, целенаправленный и наступательный характер. [32, с. 41-43]

Понятие политики противодействия преступности является наиболее широким в ряду видов политики в данной сфере, включающим наряду с деятельностью, связанной с разработкой и применением специальных мер уголовно-правового реагирования, также поиск, разработку и применение комплекса мер общесоциального и специально-предупредительного характера, которые не входят в предмет уголовного права или уголовной политики и не являются средствами реагирования на преступления, но являются необходимыми для нейтрализации причин и условий совершения преступлений и противодействия преступности в целом.

Отождествление всей политики государства в сфере противодействия преступности с уголовной политикой и попытки «уместить» в содержание последней всю отмеченную выше масштабную деятельность, все усилия государства по противодействию преступности, необходимые и достаточные для эффективного противодействия преступности [9, с. 8-11; 5, с. 27; 20, с. 46; 23, с. 32; 6, с. 179; 19, с. 10], представляется нам необоснованным и не нужным. Понятие «уголовная политика» в собственном смысле слова применимо лишь к деятельности, связанной с использованием уголовно-правовых средств. Это понятие более узкое и более специфичное, включающее в себя лишь то, что связано с преступлением и ответственностью за его совершение, т.е. с уголовным правом и уголовным законодательством.

Единая и цельная, но сложная по своему составу, содержанию, структуре и целям, политика противодействия преступности реализуется через обеспечивающие ее и структурно «подчиненные» ей содержательно более конкретные и более предметные виды политики второго уровня: политику предупреждения преступлений и политику реагирования на преступления, которые, в свою очередь, обеспечиваются их декомпозицией (расчленением) на виды (подвиды) политики следующего, еще более конкретного и предметного, третьего уровня. И все эти виды политики разных уровней выстраиваются в виде пирамиды, имеют свои цели, задачи и содержание, и в своей совокупности направлены на осуществление упомянутой выше общей для них генеральной цели политики противодействия преступности во имя общесоциальных целей обеспечения безопасности, благополучия и успешного, прогрессивного развития общества.

Политика предупреждения преступлений представляет собой отдельное, вполне самостоятельное приоритетное направление деятельности государства в рамках политики противодействия преступности, имеющее своей целью предупреждение (сдерживание) и по возможности сокращение уровня преступности, содержательно связанное с поиском, разработкой, исследованием и реализацией целей, принципов, основных направлений, содержания, форм и методов, эффективных общесоциальных и специальных средств воздействия на причины и условия совершения преступлений. Соответственно, она получает свою конкретизацию в политике общесоциального и политике специального предупреждения преступлений.

Политика реагирования на преступления (политика борьбы с преступностью, карательная) — это другое, наряду с превенцией, самостоятельное направление деятельности государства в рамках политики противодействия преступности, важное, но вторичное, востребованное в тех (к сожалению, многочисленных) случаях, когда предпринятые превентивные меры и, по-видимому, политика

предупреждения преступлений в целом оказались недостаточными или недостаточно эффективными, и государство вынужденно должно (обязано) реагировать на акты совершения преступлений посредством мер принуждения, специально для этих целей предусмотренных уголовным законом. Содержание этой политики связано с поиском, разработкой, исследованием и активным, наступательным применением наиболее рациональных и эффективных специальных мер в рамках реакции государства на каждый акт совершения преступления [32, с. 44-46]. Деятельность государства, связанная с реагированием на конкретные акты совершения преступлений, реализуется в нескольких взаимосвязанных, но вполне самостоятельных правовых формах, обусловленных потребностью в такой деятельности и вытекающими из такой необходимости ее целями.

Так, потребность в определении того, что есть преступление, какой по характеру и содержанию должна быть реакция государства на его совершение, на каких принципах, во имя каких целей, какими методами и средствами, по каким основным направлениям и в каких формах она должна реализовываться, диктует необходимость уголовно-правовой (уголовной) политики, ее цели и содержание. Потребность в расследовании совершенных преступлений, изобличении виновных и осуществлении правосудия обусловливает необходимость, цели и содержание другого вида политики реагирования на преступления - политики уголовно-процессуальной, а потребность в исполнении уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия – необходимость, цели и содержание политики уголовно-исполнительной как еще одного вида политики реагирования. Каждый из этих видов политики имеет самостоятельное значение, необходим и важен на своем месте и в своей роли. При этом центральное место в политике реагирования на преступления занимает уголовно-правовая (уголовная) политика, которая является как бы «стержнем политики борьбы с преступностью», поскольку именно и только в ее рамках решаются ключевые и принципиальные для всех компонентов политики противодействия преступности вопросы криминализации и пенализации деяний и на этой основе формируются цели и задачи, стратегия и тактика уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики. [32, с. 44-46]

Уголовно-правовая (уголовная) политика представляет собой специфическое направление деятельности государства, имеющее целью разработку и нормативное закрепление основания, пределов и принципов уголовно-правового реагирования на совершаемые преступления, определение круга преступных деяний и мер уголовно-правового воздействия за их совершение, разработку и реализацию стратегии и тактики наиболее эффективного противодействия преступному поведению средствами и методами уголовного права и уголовного законодательства. [17; 18, с. 127-132] Имеющая в своем основании выработанную исторической практикой и теоретически осмысленную идеологию как совокупность идей, взглядов и представлений о целях, задачах, принципах, формах и методах уголовно-правового воздействия на преступное поведение и преступность, сложившихся в обществе на конкретном этапе его исторического развития, уголовно-правовая (уголовная) политика находит свое выражение в нормах уголовного права, актах толкования норм и практике их применения и таким образом определяет границы уголовно-правового обеспечения (охраны и регулирования) нормальной жизнедеятельности государственных и общественных учреждений, беспрепятственного осуществления прав и свобод граждан.

Однако, при всем при этом, необходимая и важная «на своем месте», имеющая приоритетное значение в политике реагирования на преступное поведение, уголовно-правовая (уголовная) политика не может поколебать важного самостоятельного значения других видов политики реагирования, не может «поглотить» их ни содержательно, ни общим наименованием «уголовная», как представляется некоторым уважаемым авторам. Согласно нашим представлениям, понятия «уголовно-правовая» и «уголовная» политика – это об одном и том же – о противодействии преступности уголовно-правовыми средствами, и это ее содержание и значение не нуждается ни в приуменьшении, ни в преувеличении посредством включения в ее содержание элементов политики уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной или какой-либо иной. [12, с. 515-525]

Таким образом, политика государства в сфере противодействия преступности может быть представлена в форме логически стройной иерархической структуры – некой пирамиды из видов политики разных уровней, которая складывается по поводу удовлетворения соответствующих порождающих их социальных потребностей. Этой структуре естественным образом должна соответствовать также и иерархически выстроенная «пирамида целей» политики противодействия преступности, включающая и цели ее структурных составляющих («ступеней пирамиды»), поскольку все это цели удовлетворения указанных социальных потребностей.

Сложность реализации упомянутых социальных потребностей и генеральной цели противодействия преступности, обусловливающие многообразие направлений и иерархию целей деятельности в данной сфере, делают процесс их реализации длительным, сложным и неоднозначным и диктуют необходимость построения единой и стройной системы целей, которая адресовала бы правильно и точно сформулированные ориентиры как законодателю, так и правоприменительным органам, и

мобилизовала их на осуществление поставленных целей.

Стройность такой системы обеспечивается ее организацией по известному методу построения «дерева целей»[4], предполагающего определение и последовательную декомпозицию генеральной, стратегической цели (в «нашем» случае – общей цели политики противодействия преступности) на подцели по принципу пирамиды, когда в иерархической последовательности выстраивается вся система целей в соответствующей сфере.

При этом каждая предыдущая (более близкая) цель служит этапом и в определенном смысле средством реализации каждой последующей цели, занимающей более высокое положение в иерархии, и все они являются промежуточными в дорожной карте на пути к вершине, к объединяющей их генеральной, стратегической цели, и в своей совокупности они последовательно служат осуществлению объединяющей их генеральной цели (цели политики противодействия преступности). При таком подходе конструирование протекает по принципу от общего к частному: более детальные краткосрочные и среднесрочные цели выводятся из более общих долгосрочных, являются их конкретизацией и детализацией, подчинены и служат им. В свою очередь, и формулирование общих стратегических целей осуществляется с учетом совокупности тактических целей и при необходимости с учетом последних они должны корректироваться.

Построение такой пирамиды (дерева) в сфере противодействия преступности имеет весьма важное значение. Правильное и точное определение целей не только позволяет уяснить их смысл и организовать их надлежащую реализацию, но и мотивирует, упорядочивает намерения, упрощает выполнение решений и, в конечном счёте, определяет успех деятельности и позволяет с большей точностью и объективностью устанавливать степень их достижения и судить об эффективности соответствующей деятельности.

При этом на практике – в процессе законотворчества и, особенно, правоприменительной практике эта совсем непростая проблема решается неумело, непоследовательно и противоречиво, важное значение целей зачастую недооценивается, фактически не учитывается, исполнители над их содержанием и пониманием не очень задумываются, в результате чего принимаются непродуманные решения, вследствие чего цели не выполняют своей ориентирующей и мобилизующей роли.

Отчасти ситуацию можно исправить разработкой, выполнением и соблюдением определенных правил целеполагания и «выращивания» дерева целей». В литературе предлагаются некоторые такие правила (основные принципы, требования) постановки целей и их системной организации. На наш взгляд, к числу основных и наиболее важных (по факту – ключевых) правил или требований к формулированию, реализации и построению системы целей в сфере противодействия преступности следовало бы отнесли следующие.

1. Цели должны быть адекватны обусловившим их социальным потребностям, должны мотивировать и направлять деятельность органов государства на их удовлетворение, поэтому их характер и содержание должны быть криминологически обоснованны, базироваться на обязательном учете состояния, уровня, структуры, динамики преступности, а также характера и степени гибкости государственной политики в данной сфере; важно также, чтобы в процессе целеполагания учитывались важнейшие социальные ценности и идеалы, а также уровень правосознания и правовой культуры членов общества[5]. Неправильно, например, переоценивая роль и значение уголовного законодательства, ставить перед ним цели и задачи, не вытекающие из его социального назначения и не учитывающие его специфические направленность и возможности. Такие, к примеру, заманчивые и кажущиеся очевидными и необходимыми, как цели искусственного, без учета криминальной ситуации, сокращения «тюремного населения» в стране, извлечения материальной выгоды из труда осужденных, пополнения государственного

[4] Метод построения «дерева целей», признаваемый в науке эффективным методом стратегического планирования целей, впервые был предложен американскими исследователями Ч. Черчменом и Р. Акоффом в 1957 году в качестве инструмента, обеспечивающего упорядочение и взаимосвязь целей разных уровней в процессе их последовательной реализации. Этот метод позволяет «системно представить порядок движения к конечной цели, учесть необходимое количество, характер и содержание промежуточных целей и задач, требующих решения на пути к ее достижению». - См. об этом: Алексеев, С.И. Исследование систем управления: учебно-методический комплекс / С.И. Алексеев. - М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. —195 с.; Богушевский, И.И. Базовые лекции по дисциплине: Исследование систем управления / И.И. Богушевский. – СпбИМаш, 2006. – 27 с.; Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева -5-е изд., перераб. и доп.-М.: ИНФРА-М, 2006. — 495 с. — (Библиотека словарей "ИНФРА-М"); Шевчук, Д.А. Исследование систем управления: конспект лекций /Д.А. Шевчук. – Ростов-на-дону: Феникс, 2007. – 103 с.

[5] О.Ф. Сундурова правильно замечает, что уголовное законодательство занимает особое место в системе мер предупреждения преступности, поэтому важно, чтобы в УК РФ такие меры (как уголовные наказания, так и иные меры уголовно-правового характера) предусматривались в соответствии с потребностью времени [29, с. 287].

бюджета, и др. [15, с. 31-34; 13, с. 42-45; 14, с. 99-110]

2. Цели должны быть достаточно высокими и напряженными, мобилизующими на достижение максимальных позитивных результатов, наиболее полное удовлетворение лежащих в их основании потребностей, однако при этом реалистичными, достижимыми, в связи с чем они должны быть обеспечены необходимыми материальными ресурсами и иными средствами и возможностями, с правильно выбранной стратегией достижения, включая умения организовать их реализацию, в связи с чем важно, чтобы цели были понятны и приемлемы лицами, ответственными за их выполнение; нереальная цель приводит к демотивации субъектов деятельности и потере ими ориентира, что негативно сказывается на результатах деятельности. Выражая активную сторону человеческого сознания, цель должна находиться в соответствии с объективными законами, реальными возможностями окружающего мира и самого субъекта [33]. «Цели, которые устанавливают слишком высокую планку, никогда не будут достигнуты; люди работают наиболее продуктивно, когда цели установлены на так называемом побудительном уровне — достаточно высоком, чтобы было к чему стремиться, но не настолько высоком, чтобы потерпеть неудачу, и не настолько низком, чтобы не нужно было затрачивать усилия для ее достижения» [1]. Реалистичность предполагает определенную гибкость поставленных целей, возможность их корректировки с учетом новых, непредвиденных или экстраординарных требований и новых возможностей, вызванных изменениями, которые могут произойти в реальной действительности.

3. Цели в системе должны быть совместимыми, взаимосогласованными, не противоречить друг другу и достаточно точно, полно и правильно в понятной, доступной для исполнителей форме сформулированы документально в соответствующих нормативных и правоприменительных актах и в каждом конкретном правоприменительном случае.

4. Цели должны быть конкретными, измеримыми и контролируемыми, должны быть сформулированы таким образом, чтобы можно было возможно более точно измерить полученные результаты количественно либо каким-то другим объективным способом оценить, была ли цель достигнута; при ее постановке важно определить вполне осязаемые, ощутимые результаты, которые предполагается достичь, в какие сроки и какими средствами; чем более конкретна цель, тем легче выработать стратегию ее достижения. Если цели неизмеримы, то они порождают разночтения, затрудняют процесс оценки результатов деятельности и вызывают конфликты. Хотя, следует признать, что в социальной и особенно в духовной сферах общества это требование выполнить очень сложно.

Сложность представляет выполнение и других перечисленных выше требований, по мнению специалистов, ни одно из них должным образом не соблюдается ни в правотворчестве, ни в правоприменении, вопросы целеполагания решаются непрофессионально, неграмотно, безответственно, что явно и нередко существенно снижает эффективность соответствующей государственной деятельности. В связи с этим возникает вопрос об ответственности, в частности, уполномоченных должностных лиц, как за непрофессиональную или безответственную разработку, так и за обеспечение реализации поставленных целей важных государственных решений, когда это фактически повлекло или реально могло повлечь серьезнейшие негативные последствия для страны, ее регионов, для населения в целом или отдельных граждан. Чему примеров, к сожалению, бесчисленное множество.

Ответственность за правильную разработку и выбор целей и обеспечение условий для их эффективной реализации должна естественным образом нормативно возлагаться на соответствующие правотворческие и правоприменительные органы и их руководителей и с неотвратимостью реализоваться в отношении виновных. Наличие юридической ответственности за вредоносные противоправные деяния и последовательная неотвратимая ее реализация - необходимые и важнейшие условия правильного, обоснованного и эффективного целеполагания и, соответственно, эффективной реализации поставленных целей.

Все изложенное о понятии и целях политики противодействия преступности и ее структурных составляющих – лишь необходимая основа для проведения дальнейших, более глубоких научных исследований проблемы целей и механизмов реализации уголовно- правового воздействия, являющейся предметом нашего научного проекта в рамках гранта РФФИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власенко Ирина. Спустите планочку! – https://www.myjane.ru/articles/text/?id=20220

2. Беляев Н.А. Понятие советского исправительно-трудового права и основные принципы советской исправительно-трудовой политики // Вестник ЛГУ. Серия экономики, философии и права. 1958. № 5. Вып. 1.

3. Бородин С.В. Теоретические проблемы советской уголовной политики. - В сб.: XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. М., 1977.

4. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М. 1999.

5. Гальперин И.М., Курляндский В.И. Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения. – В кн.: Основные направления борьбы с преступностью. М., Юрид. лит. 1975.

6. Герцензон А. А. Уголовное право и социология. - М.: Юридическая литература, 1970. — 286 с.

7. Глистин, В.К. Преступление и наказание. Семьдесят лет советского государства и права / под ред. А.И. Королева, Ю.К. Толстого, Л.С. Явича. Л.: ЛГУ, 1987.

8. Голик Ю.В. Цель в уголовном праве // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии»: Материалы IV Российского Конгресса уголовного права, состоявшегося 28-29 мая 2009. – М.: Проспект, 2009.

9. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. — Владивосток, 1982.

10. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. - М, 2003.

11. Дуюнов В.К. О понятии уголовной (уголовно-правовой) политики // Юрист Поволжья. 2007 № 3-4; № 5-6; № 7-8.

12. Дуюнов В.К. Правовая политика противодействия преступности. // Правовая политика России: теория и практика: монография. Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: ТК Велби, изд-во Проспект, 2006.

13. Дуюнов В.К. Реформирование уголовного законодательства предполагает понимание основ теории уголовного права. - Юрист Поволжья. 2013 № 1-2 (109).

14. Дуюнов В.К. Совершенствование уголовного законодательства – это не починка «Тришкина кафтана». - Вопросы российского и международного права. – 2012. № 1.

15. Дуюнов В.К. Совершенствование уголовного законодательства или его ломка? - Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. - Материалы десятой Международной научно-практической конференции (24-25 января 2013 г.). М.: Проспект, 2013.

16. Дуюнов В.К. Уголовно-правовая политика в политике противодействия преступности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й международной научно-практической конференции. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.

17. Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. Уголовно-правовое воздействие в механизме обеспечения национальной безопасности: монография. – М.: РИОР, 2020. – 244 с.

18. Коробеев А.И. Принципы уголовно-правовой политики как показатели ее эффективности // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности. - Материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. (заочно). – М.: Юрлитинформ, 2020.

19. Кудрявцев В., Ратинов А. Вступительная статья к кн. Подгуредкий Л. Очерк социологии права, М., 1974.

20. Кудрявцев В.Н. Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики - В кн.: Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975.

21. Кузнецов А.В. Понятие и социальная ценность основополагающих принципов советской уголовной политики. Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 40. –М.: Юрид. лит., 1984.

22. Лопашенко Н.А. Уголовная политика: понятие, содержание, методы и формы реализации. – В кн.: Уголовное право в XXI веке: Материалы Междунар. науч. конф. на юридич. ф-те МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая-1 июня 2001 г.- М.: «Лекс-Эст», 2002.

23. Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. — М., 1995.

24. Никифоров, Б.С. Наказание и его цели // Сов. гос. и право. 1981. № 9. 25.Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (Аксиологические аспекты). Л.: ЛГУ: 1976.

26. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики. – Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: Сб. науч. трудов // Под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2004.

27. Прохоров В.С. и др. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. Красноярск, 1989.

28. Русецкий А.Е. Уголовная политика РФ // www.rusetsky.com/ugpol.htm.

29. Сундурова О.Ф. Предупредительный потенциал мер уголовно-правового характера// Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности. - Материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. (заочно). – М.: Юрлитинформ, 2020.

30. Сухарев А.Я., Алексеев А.И., Журавлев М.П. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. - М., 1997.

31. Тарбагаев А.Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986.

32. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник/ Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.К. Дуюнова. 6-е изд. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2019.

33. Философский энциклопедический словарь. - http://www.вокабула.рф/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8/%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BE%D1%84%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%8D%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C-1989/%D1%86%D0%B5%D0%BB%D1%8C

34. Цепелев В.Ф. Подходы к определению эффективности уголовно-правового противодействия преступности // Эффективность уголовно-правового, криминологического и уголовно-исполнительного противодействия преступности. - Материалы XII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 28–29 мая 2020 г. (заочно). – М.: Юрлитинформ, 2020.

35. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии //http://pravoved.jurfak.spb.ru/old/default.asp?cnt=622

ЛОГИКА НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88.1415

Ларина Елена Александровна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

LOGIC OF SCIENTIFIC RESEARCH

Larina Elena Aleksandrovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Tambov State University named after G. R. Derzhavin

АННОТАЦИЯ

В статье приведена общая характеристика особенностей научных исследований. Отмечается, что процесс исследования должен подчиняться определенным правилам построения, т.е. логике. В статье раскрываются особенности основных этапов, которые проходит исследователь в процессе познания того или иного явления, процесса. Автор соглашается с мнением ученых о том, что не существует универсальной логики исследования, поскольку каждая сфера изучения уникальна. Выдвигается перечень тех компонентов, без которых не может существовать логика исследования.

ANNOTATION

The article provides a general description of the features of scientific research. It is noted that the research process must obey certain construction rules, i.e. logic. The article reveals the features of the main stages that a researcher goes through in the process of cognizing a particular phenomenon, process. The author agrees with the opinion of scientists that there is no universal logic of research, since each field of study is unique. A list of those components is put forward, without which the logic of research cannot exist.

Ключевые слова: логика, исследование, наука, методология, знание, направления исследования.

Key words: logic, research, science, methodology, knowledge, research directions.

Исследование – процесс, без которого не может обойтись ни один ученый, преподаватель, студент, школьник и другие субъекты. Без данного процесса не может существовать ни одна наука, не может совершаться та или иная деятельность. Умы человечества на протяжении всех веков его существования привлекало неизведанное, от чего возникали попытки его постигнуть. Путем проб и ошибок такого постижения выработались определенные критерии, по которым следует проводить исследование.

В широком смысле под исследованием следует понимать осуществление поиска новых знаний, в узком – это процесс изучения какого-либо явления, процесса, объекта. Получается, что в одном случае цель – создание нового продукта (нового знания), в другом – изучение того, что уже существует, но по определенным причинам неизвестно субъекту. Общим слагаемым при этом является процесс познания.

Итак, явно прослеживается взаимосвязь между понятием «исследование» и понятием «наука», из чего складывается словосочетание «научное исследование». Научное исследование подчиняется определенным правилам, а именно:

- должны использоваться те или иные методы, методология;
- должна существовать поэтапность исследования;
- необходимо опираться на различные источники информации (книги, научные статьи, законодательство, новости и пр.);
- должна существовать нацеленность на получение истины;
- и пр.

Одной из известных работ в области анализ процессов исследования в науке является трактат Карла Поппера «Логика научного исследования»[6]. В данной работе философом ставится главная существующая проблема – проблема отделение научного знания от ненаучного. В связи с этим и появляются такие понятия как «логика», «логика науки», «логика научного исследования». Последнее понятие раскрывается с различных точек зрения:

[6] См.: Поппер К.Р. Логика научного исследования [Текст] / К.Р. Поппер; Перевод с английского под общей редакцией В.Н. Садовского. - М.: Республика, 2005. - 447 с.

- как раздел логики науки (прим.: логика науки – это направление исследований, связанных с применением аппарата формальной логики для анализа научного знания)[7];

- как область знаний, посредством которой происходит изучение закономерностей, тенденций.

Использование логики научного исследования позволяет приблизиться к получению продукта в виде истинности знания, суждения, поскольку логика есть мышление. Часто недостаточно утверждать тот или иной факт, требуется ответить почему так, а не иначе.

Также стоит отметить, что даже если суждение ошибочно, то это не всегда означает, что оно не научно. Здесь стоит обратить внимание на ограниченность исследований по схожему предмету исследования. Классический пример – область медицины, где с ходом времени появляются все новые и новые исследования, меняются представления. При этом до того момента, когда соответствующий новый факт (новое исследование) был известен, исследователь руководствовался теми методами, материалами, которые были свойственны для науки его времени. Таким образом, его исследование все равно следует называть научным, поскольку исследователь руководствовался логикой научного исследования.

Приступая к исследованию того или иного явления, объекта, процесса, необходимо учитывать не только общие для всех наук правила построения исследования, но и на специальные, т.е. характерные именно для конкретной науки, конкретной сферы.

В конце XX века впервые появилось такое понятие как «логика правовой науки», введенное в оборот доктором юридических наук, профессором В.К. Бабаевым. В данном исследовании автор обращает внимание на особенности научных исследований, проводимых в сфере права. Отмечается, что логика правовой науки представляет собой самостоятельное направление, осуществляемое одновременно и в аспекте диалектической и в аспекте формальной логики[8]. Таким образом, для проведения исследований в сфере права, в первую очередь необходимо руководствоваться диалектической и формальной логикой.

Как известно, логику принято подразделять на 3 вида:

- формальная (традиционная), представляющая собой науку, посредством которой из истинных суждений-посылок всегда получаться истинные суждения-заключения (основатель – Аристотель);

- диалектическая, представляющая собой науку, изучающую общие закономерности становления и развития мира, мышления (основатель – Гегель);

- математическая (символическая), представляющая собой науку, изучающую способы, доказуемость логических рассуждений.

При этом не умаляется значение логики математической (символической) для правовой науки. Посредством ее использования к примеру, можно избежать нечеткости, двусмысленности в понятийно-категориальном аппарате нормативного правового акта. Однако речь идет именно о превалирующем значении того или иного вида логики для определенной сферы. (В конечном счете во всех сферах в той или иной степени используются все представленные виды логик).

Поэтому согласимся также с советским философом П.В. Копниным, который утверждал, что универсальная логика открытия не существует, однако, ни одно исследование, открытие не может быть основано без использования логики[9]. Вторя в определенной мере П.В. Копнину, В.Н. Едронова и А.О. Овчаров отмечают, что при этом имеют место быть специфические логики, берущие во внимание конкретное содержание заявленной проблемы и имеющие локальный характер[10].

Затем, исследователь определяется с темой исследования. Для этого следует обратить внимание на то, какой разновидности будет исследование. Таких разновидностей несколько (приведем специфику каждого из них на примере правовой сферы):

эмпирическое – предполагает исследование правовых категорий, явлений с позиции наблюдения, эксперимента, сравнения. Ценность данного метода исследования заключается в систематизации информации о том или ином явлении, категории, посредством анализа которого определяется существующее положение дел (в том числе выявляется круг существующих проблем). В данном случае прослеживается явная взаимосвязь теории и практики;

теоретическое – предполагает изучение научных аспектов. Практического аспекта в данном случае присутствует мало, поскольку исследователю достаточно проанализировать существо проблемы, к которой в своих исследованиях обращались иные ученые.

прикладное – имеет ярко выраженный практический аспект. Главным методом исследования выступает правовой эксперимент. Например, берется конкретная норма Уголовного кодекса РФ, затем изучается влияние данной нормы на преступную обстановку, из чего в итоге

---

[7] Едронова В.Н. Методы, методология и логика научных исследований / В.Н. Едронова, А.О. Овчаров // Экономический анализ: теория и практика. - 2013. - №9 (312). - С.19.

[8] Бабаев В.К. Советское право как логическая система: Учебное пособие [Текст] / В.К. Баева. - М., 1978. - С. 24.

[9] Копнин П.В. Диалектика, логика, наука [Текст] / П.В. Копнин. – М.: Наука, 1973. – С.22.

[10] Едронова В.Н. Методы, методология и логика научных исследований / В.Н. Едронова, А.О. Овчаров // Экономический анализ: теория и практика. - 2013. - №9 (312). - С.20.

определяются сильные и слабые стороны законодательства, правоприменителя.

методологическое – направлено на изучение тех приемов, способов и средств познания, которые помогут более полно раскрыть то или иное явление, категорию, сферу и пр.

прогностическое – нацелено на получение «информации из будущего». Так, изучив текущую ситуацию, моделируются дальнейшие варианты развития событий. Выбираются способы, позволяющие избежать появление негативных факторов.

Выбор конкретного направления в исследовании той или иной проблемы будет зависеть от нескольких факторов: от существа самой проблемы, от уровня знаний исследователя, от уровня разработанности темы исследования и пр.

Кроме того, исследователь перед началом исследования должен определить, будет ли им решена практическая задача или научная проблема. Первая отличается от второй тем, что ответ может быть получен исходя из анализа существующих исследований по данному вопросу. Разрешение научной проблемы предполагает, что исследователь предложит уникальный авторский вариант разрешения такой проблемы.

Таким образом, разрешение научной проблемы предполагает наличие у исследователя соответствующего практического опыта, поэтому она более сложная и не подойдет начинающим.

После определения с темой исследования следует этап целеполагания. На данном этапе предстоит определиться:

- с целью, т.е. определяется что будет исследоваться и зачем;
- с задачами и методами, т.е. определяются способы исследования;
- с объектом исследования, т.е. на примере чего будет развертываться исследование;
- и т.д.

Исследователем также формируется гипотеза исследования. Гипотеза – это предположение исследователя о том, почему происходит, существует то или иное явление. Т.е. гипотеза не очевидна и требует приведения доказательств. К формулированию гипотезы нужно подходить особым образом. Необходимо учитывать принципы логического построения научного знания. Таким образом, гипотеза должна отвечать следующим критериям:

- самостоятельность;
- приложимость знания, которое создается;
- возможность проверки.

После определения с темой исследования, выбором направления в исследовании, целью, задачами, объектом, предметом, после выдвижения гипотезы следуют два больших этапа: этап организации исследования и этап реализации. Суть первого этапа заключается в том, чтобы собрать тот материал, который имеет отношение к выбранной теме научного исследования, а также наметить ход предстоящего исследования (например, составить план исследовательской работы, где в первой главе будет анализироваться теоретическая составляющая вопроса, а в последующих - практическая). Второй этап более сложен. На данном этапе происходит более тщательная обработка собранного материала, выявляется проблематика, формулируются способы решения проблем, предполагаются дальнейшие пути развития того или иного явления, сферы и пр.

Последним этапом является этап опубликования результатов исследования (научной статьи, монографии, диссертации, книги, учебника и пр.). При этом, исследовательская работа какого бы вида она не была она должна отвечать признакам научного стиля: объективности, логичности, точности[11].

Таким образом, научное исследование вне зависимости от того в какой сфере оно проводиться, должно строиться на определенной логике. Главными компонентами в данном случае будут выступать:

- планомерность;
- точность;
- последовательность;
- результативность.

При этом история развития науки показала, что любой процесс открытия не следует сводить к формально-логическим процедурам. А выработка универсальной логики выглядит как утопия, поскольку каждая сфера характеризуется специфическими особенностями.

Список использованных источников

1.Бабаев В.К. Советское право как логическая система: Учебное пособие [Текст] / В.К. Баева. - М.,1978. - 211 с.

2.Едронова В.Н. Методы, методология и логика научных исследований / В.Н. Едронова, А.О. Овчаров // Экономический анализ: теория и практика. - 2013. - №9 (312). - С.14-23.

3.Как написать научную статью: методические рекомендации обобщению педагогического опыта и представлению результатов научных исследований [Текст] / под ред. М.В. Стрельцовой, О.Н. Поцеулевой. — п. Рассвет: Изд-во АДЕКЖК, 2015. - 31 с.

4.Копнин П.В. Диалектика, логика, наука [Текст] / П.В. Копнин. - М.: Наука, 1973. – 463 с.

5.Поппер К.Р. Логика научного исследования [Текст] / К.Р. Поппер; Перевод с английского под общей редакцией В.Н. Садовского. - М.: Республика, 2005. - 447 с.

[11] Как написать научную статью: методические рекомендации обобщению педагогического опыта и представлению результатов научных исследований [Текст] / под ред. М.В. Стрельцовой, О.Н. Поцеулевой. - п. Рассвет: Изд-во АДЕКЖК, 2015. - С.7.

СООТНОШЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2021.1.88.1416

Шелеметьева Е.В.
преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин ВФ ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России».
Сидорчева В.Е.
курсант 4 курса, 402 учебной группы ВФ ФГКОУ ВО «ДВЮИ МВД России».

CORRELATION OF DIFFERENT TYPES OF LEGAL RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Shelemetyeva E.V.
Lecturer at the Department of State Legal and Civil Law Disciplines Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Internal of the Russian Federation
Sidorcheva V.E.
Cadet 2courses, 202 study groups Far Eastern Law Institute of the Ministry of the Internal of the Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В данной статье автором рассматриваются различные виды юридической ответственности, в области охраны окружающей среды и природопользования, выполняемые ими функции и проблемы, присущие каждому виду ответственности. Так же предлагается мысль о введении Экологического Кодекса, который будет содержать в себе экологически-правовые нормы.

ANNOTATION

This article considers different types of legal responsibility, in the field of environmental protection and nature management, the functions they perform and the problems inherent in each type of responsibility. It also proposes the idea of introducing an Environmental Code, which will contain environmental legal norms.

Ключевые слова: экология, юридическая ответственность, экологические правонарушения, охрана окружающей среды, природопользование.

Keywords: ecology, legal responsibility, environmental offenses, environmental protection, nature management.

Проблема рационального природопользования и охраны окружающей среды в настоящее время представляет огромную угрозу не только в России, но и во всем мире. Развитие научно-технического прогресса положительно влияет на формирование современного мира, но негативно влияет на экологию. В связи с этим происходит обострение экологических проблем, начиная с таких как исчезновения некоторых видов растений и животных, и заканчивая угрозой гибели всего человечества. Кроме того, отмечается тенденция ежегодного увеличения числа нарушений в данной сфере.

Один из важнейших институтов правового регулирования данной сферы является юридическая ответственность, которая возникает при нарушении экологического законодательства. Юридическая ответственность за экологические правонарушения – это правовые отношения между лицом, нарушившим экологические нормы и специально уполномоченных органов государственной власти. На данное лицо возлагается обязанность претерпевать меры государственного воздействия в форме определенных санкций за нарушение природоохранного законодательства. Благодаря юридической ответственности осуществляется процесс восстановления нарушенных прав, а также именно она направлена на стимулирование граждан на общественно полезные действия.

Федеральный закон от 10.01.2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» закрепляет следующие виды ответственности за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды: имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная ответственность в соответствии с законодательством [**Błąd! Nie można odnaleźć źródła odwołania.**]. Все эти виды юридической ответственности, за исключением имущественной, выполняют такие функции как: превентивная, карательная и так же воспитательная.

Для начала стоит рассмотреть имущественную ответственность. Она наступает при нарушении экологических норм, которые обеспечивают рациональное природопользование и обеспечивают защиту окружающей среды. Отличие данной ответственности от иных видов проявляется в специфической функции этой ответственности – возмещение и так же восстановление причиненного вреда объектам окружающей среды. Данная функции реализуется путем применения органами государственной власти определенных мер воздействия на лицо нарушившее законодательство в сфере окружающей среды, влекущие за собой для данного лица неблагоприятные имущественные

последствия. Так же важно сказать, что данная ответственность выполняет компенсационную функцию. При этом наступление отрицательных имущественных последствий для правонарушителя не исключает возможности применения к нему иных мер ответственности (например, выговор, административный штраф). Имущественная ответственность предусмотрена ст. 15, 16, 329, 1064 Гражданского Кодекса РФ. В данных статьях говорится о том, что возмещение убытков предприятиям, учреждениям и организациям несется в полном объеме лицом, включаю упущенную выгоду, вследствие всякого совершенного правонарушения, в том числе и экологического [1]. Главная проблема применения данного вида ответственности выражается в том, что причинение вреда окружающей среде носит необратимый или трудновосполнимый характер, в связи с этим причиненный правонарушителем ущерб значительно превышает возмещенный.

Дисциплинарная ответственность выражается в наложении организацией, учреждения, предприятия, администрации взыскания на свое должностное лицо при наличии у него особых обязанностей, связанных с использованием природных ресурсов или осуществление деятельности в данной сфере, которые в следствии неисполнения либо ненадлежащего исполнение своих трудовых обязанностей, повлекло за собой экологически неблагоприятное последствие. Данный вид ответственности реализуется через превентивную функцию. Основания привлечения к дисциплинарной ответственности, круг субъектов и меры дисциплинарного взыскания регулируются Трудовым кодексом РФ. К мерам дисциплинарной ответственности можно отнести замечание, выговор, увольнение. Так же бывают случаи, когда в уставах или в положениях организаций предусмотрены иные меры воздействия. Дисциплинарную ответственность назначают должностные лица либо уполномоченные органы на свое усмотрение, именно из-за этого данный вид ответственности широко не применяется . Данная проблема могла бы решиться с помощью установления перечня составов с наиболее опасными экологическими проступками, совершение которых влечет обязательное привлечение работника к дисциплинарной ответственности.

Следующим распространённым видом ответственности является административная ответственность. Данная ответственность регламентируется главой 8 Кодекса об административных правонарушениях РФ. 2019 году наибольшее количество нарушений в области охраны окружающей среды и природопользования пришлось на ст. 8.37, 8.28 КоАП [4]. Если проанализировать судебную практику, можно сделать вывод о том, что количество совершаемых правонарушений за последние года все больше прогрессирует. В данной ответственности в качестве мер воздействия применяется: предупреждение, административный штраф, изъятие, конфискация орудия совершения либо предмета административного правонарушения, административный арест, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина либо лица без гражданства, приостановление деятельности. Если сравнивать административную ответственность с другими видами ответственности, то можно сказать о том, что она распространяется на более широким круг субъектов и так же способствует выполнению стимулирующей функции, устанавливая санкции за большинство правонарушений.

Наиболее суровый вид ответственности – уголовная. Она, как и административная ответственность применяется за нарушение экологического законодательства в различных областях, что часто усложняет процедуру квалификации деяния как преступления, так и правонарушения. В таких случаях законодатель обозначил ряд ограничивающих критериев, отграничивающих один вид ответственности от другого вида, такими критериями выступает размер причиненного вреда или наличие наступивших неблагоприятных последствий. Уголовная ответственность в большей мере направлена на выполнение карательной функции, так как предусматривает применение более строгих видов наказаний в отличии от других видов ответственности. За совершение экологических преступлений уголовный кодекс предусматривает следующие виды санкций: штраф, обязательные или исправительные работы, лишение права занимать определенную должность либо заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, арест либо же лишение свободы на конкретный срок. Последний вид наказания практически не используется на практике. Экологические преступления за последние несколько лет имеют тенденцию снижения, однако статистика отмечает особую общественную опасность подобных деяний. Так же специалисты выделяют и другую проблему – латентность экологических преступлений крайне высока, что в целом мешает делать выводы об эффективности уголовной ответственности в данной области [5, с. 37].

Что касается стран Запада, то можно отметить, что они довольно серьезно относятся к данной проблеме и так же реализуют уголовно-правовые меры по ее решению. Так, например, в Германии действует отдельное уголовно-экологическое законодательство, содержащие ряд нормативных актов, в том числе и подзаконных, напрямую предусматривающих ответственность за их нарушение. В отличии от российского уголовного законодательства, в ФРГ уголовно-правовые нормы регулируются несколькими федеральными законами.

Если рассматривать США, то там предусмотрены уголовные кодексы в каждом штате. За особо тяжкие преступления в виде санкции используют штраф либо же тюремное заключение. За нарушение определенных законов

(например, «О качестве воды», «Об отходах») может быть наложен штраф до 25 тыс. долл. Либо же лишение свободы до 1 года. При повторном нарушении экологического законодательства данные санкции увеличиваются вдвойне. Так же в США ведется усиленный контроль за гражданами занимающиеся охотой либо рыбалкой, так как она разрешена только тем лицам, которые получили лицензию после прохождения курсов по обучениям правил охоты, рыбалки. Одна из мер борьбы с браконьерством это поощрение со стороны государства граждан, если они сообщат в правоохранительные органы о известных им случаях браконьерства.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что в Российском законодательстве существуют такие виды ответственности как : имущественная, дисциплинарная, административная и уголовная за совершенные нарушения в экологической сфере. Стоит разработать отдельный Экологический Кодекс РФ, для структурирования функций, целей, принципов, а также санкций за нарушения в данной сфере в едином нормативно-правовом акте. Возможно введение различных мер поощрений со стороны государства, которые окажут содействие правоохранительным органам при профилактики нарушений в сфере экологии. Должны прикладываться все силы по совершенствованию нормативно-правовых актов и по реализации законотворческой инициативы граждан РФ, способных улучшить состояния экологии и обеспечить экологическую безопасность общества и государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1.Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2."Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)" от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 26.06.2020, с изм. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

3.Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. Декабрь. 2012.

4.Судебная статистика. URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/68 (дата обращения: 26.04.2021).

5.Кашепов В.П. Развитие законодательства об уголовной ответственности за экологические преступления // Журнал российского права. 2012. № 6. С. 29–39.

Евразийский Союз Ученых.
Серия: экономические и юридические науки

Ежемесячный научный журнал

№ 7 (88)/2021 Том 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич
AuthorID: 559173
Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- **Минаев Валерий Владимирович**

AuthorID: 493205
Российский государственный гуманитарный университет, кафедра мировой политики и международных отношений (общеуниверситетская) (Москва), доктор экономических наук

- **Попков Сергей Юрьевич**

AuthorID: 750081
Всероссийский научно-исследовательский институт труда, Научно-исследовательский институт труда и социального страхования (Москва), доктор экономических наук

- **Тимофеев Станислав Владимирович**

AuthorID: 450767
Российский государственный гуманитарный университет, юридический факультет, кафедра финансового права (Москва), доктор юридических наук

- **Васильев Кирилл Андреевич**

AuthorID: 1095059
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Инженерно-строительный институт (Санкт-Петербург), кандидат экономических наук

- **Солянкина Любовь Николаевна**

AuthorID: 652471
Российский государственный гуманитарный университет (Москва), кандидат экономических наук

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:
198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая, д. 44, к. 1, литера А
E-mail: info@euroasia-science.ru ;
www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»
Тираж 1000 экз.